

БУДУЩНОСТЬ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО СОЮЗНИЧЕСТВА В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

АННА КИРЕЕВА

МГИМО МИД России, Москва, Россия

Резюме

В статье предлагается ответ на вопрос о том, почему при расширении сотрудничества между Россией и Китаем, военные аспекты которого ставят страны на грань формирования альянса, тем не менее не происходит закрепления договорных обязательств сторон по коллективной обороне. Анализ двусторонних отношений на основе теории альянсов позволяет обратить внимание на соотношение выгод и издержек, которое не способствует заключению такого рода союза. В частности, вероятность его заключения снижают наличие как совпадающих, так и различающихся интересов, асимметрия комплексной мощи и отношений взаимозависимости двух стран. На основе анализа параметров стратегического партнёрства в исследовании демонстрируется, что отношения России и КНР представляют собой сближение, структурированное вокруг системной цели достижения полицентричного мирового порядка и отстаивания ряда общих принципов. Начиная с 2014 года в российско-китайских отношениях фиксируется новый этап, характеризующийся дальнейшим сближением. На фоне нарастания стратегической конкуренции в отношениях с США две страны расширили военное сотрудничество. Несмотря на то что глобальные интересы сторон близки или совпадают, многие региональные приоритеты различаются. Россия и Китай не заинтересованы в том, чтобы оказаться втянутыми в конфликты друг друга. Хотя происходит ухудшение отношений с Западом, он всё ещё остаётся важным партнёром для обеих стран. Москва и Пекин балансируют Вашингтон преимущественно по отдельности. Потенциальное ограничение автономии внешнеполитических решений усиливает опасения по поводу издержек альянса. Возрастающая асимметрия комплексной мощи и экономических отношений при активной военной модернизации Народно-освободительной армии Китая и постепенном снижении зависимости Пекина от военно-технического сотрудничества с Россией показывает, что, даже если изначально потенциальный союз будет симметричным, в будущем диспаритет будет увеличиваться. В этих условиях возрастают риски превращения России в подчинённого игрока в долгосрочной перспективе. Современный формат стратегического партнёрства помогает странам реализовывать свои цели без необходимости нести издержки альянса. Лишь усугубление стратегической конфронтации между США и КНР, а также сохранение кон-

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда (проект № 17-78-20170). Автор хотела бы выразить признательность И.А. Истомину, Н.Ю. Силаеву и А.А. Сушенцову, а также двум анонимным рецензентам за ценные комментарии и рекомендации.

Дата поступления рукописи в редакцию: 15.04.2019

Дата принятия к публикации: 27.11.2019

Для связи с автором / *Corresponding author*:

Email: a.kireeva@my.mgimo.ru

фликта между Россией и Соединёнными Штатами могут привести к принципиальному переосмыслению формата отношений между Москвой и Пекином.

Ключевые слова:

Россия; Китай; российско-китайские отношения; военно-политические союзы; альянсы; стратегическое партнёрство; США; Запад; Евразия; Восточная Азия; инициатива «Пояса и пути».

Российско-китайские отношения, характеризовавшиеся высоким уровнем взаимодействия ещё до обострения конфликта между Москвой и Западом, с 2014 г. вошли в новую фазу. Она определяется дальнейшей интенсификацией политических контактов, углублением сотрудничества в военной сфере, анонсированием множества сделок и совместных проектов в экономике [Российско-китайский диалог 2016]. На пленарном заседании Петербургского международного экономического форума в июне 2015 г. Президент России В.В. Путин заявил: «...что касается Китайской Народной Республики, то уровень, характер и доверительность наших отношений достигли, пожалуй, беспрецедентных в истории наших отношений значений»¹.

На фоне углубления двустороннего взаимодействия возобновилась дискуссия о том, корректно ли обозначать российско-китайское стратегическое партнёрство как союз. Ряд отечественных специалистов стали характеризовать отношения как «де-факто альянс», то есть союз [Караганов 2017; Кашин 2019б], не получивший договорного закрепления. Более того, российский лидер в октябре 2014 г. назвал КНР «естественным союзником»². И в России, и в Китае стали появляться публикации, призывающие к правовому оформлению альянса [Тавровский 2014; Korolev 2018: 1–2]. Китайский исследователь Янь Сюэтуан, например, отмечал, что обе стра-

ны сталкиваются с угрозой со стороны США, хотя и в разных регионах. Отсутствие альянса, по его мнению, мешает им оказывать друг другу поддержку и укреплять отношения дальше³. Отечественный востоковед Ю.В. Тавровский призывал к выводу сотрудничества на уровень военно-политического альянса в условиях ущемления странами Запада интересов России. По его мнению, наличие юридически оформленного соглашения позволило бы странам усилить позиции на международном уровне, повысить уровень доверия, исключить возможность выдвижения Китаем территориальных претензий, гарантировать ускоренное развитие России за счёт китайского капитала и не допустить «интернационализации» Западом природных ресурсов страны [Тавровский 2014].

Постановка вопроса о российско-китайском союзе представляется логичной, если принимать во внимание, что альянсы формируются в первую очередь против какой-либо угрозы и только косвенным образом могут функционировать ради достижения каких-либо целей [Liska 1962: 12]. Россия и КНР испытывают на себе возрастающее давление со стороны США, которое они воспринимают как препятствие реализации их интересов и ключевой стратегической цели построения полицентричного мирового порядка. Согласно оценке А. Лукина, Китай – более надёжный партнёр для России по сравнению со странами

¹ Путин В.В. Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума // Президент России. 19.07.2015. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/49733> (дата обращения: 11.04.2019).

² Путин В.В. Встреча с Премьером Госсовета КНР Ли Кэцяном // Президент России. 14.10.2014. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/46783> (дата обращения: 30.10.2019).

³ Янь Сюэтуан. «Не понимаю, почему Россия не настаивает на формировании альянса с Китаем» // Коммерсантъ. 17.03.2017. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3243633> (дата обращения: 11.04.2019).

⁴ В данной статье слова «союз» и «альянс» используются взаимозаменяемо и соответствуют английскому термину *alliance*.

Запада, так как он не выдвигает идеологических целей. Аналогичного подхода придерживается и Москва по отношению к КНР [Lukin 2018:189–190].

Исследователи при анализе российско-китайских отношений в первую очередь обращают внимание на комплексное развитие политических и экономических отношений, сотрудничество в сфере безопасности, взаимодействие по ключевым региональным и глобальным вопросам, военно-техническое сотрудничество. Не игнорируют они и разногласия, возникающие между странами, прежде всего в экономической плоскости, совпадение и расхождение интересов в Евразии и Азии [Voskressenski 2012; Лукин 2013; Воскресенский 2015; Korolev 2015; Wishnick 2016; Lukin 2018; Kashin, Lukin 2018; Korolev 2018; Korolev, Portyakov 2018; Sutter 2018; Weitz 2018; Wishnick 2018; Kashin 2019; Киреева 2019; Korolev, Portyakov 2019; Ma, Zhang 2019]. На основании анализа сотрудничества в сфере безопасности ряд экспертов делает вывод о том, что уровень связей между военными России и Китая настолько глубок, что обе страны по существу уже сейчас находятся на грани формирования военно-политического союза [Korolev 2018: 15–16; Kashin, Lukin 2018: 631].

Дополнительные аргументы данная позиция получила, когда в октябре 2019 г. В.В. Путин охарактеризовал российско-китайские отношения как «союзнические отношения в полном смысле многопланового такого, стратегического партнёрства». Помимо этого, он сделал резонансное заявление о том, что Москва помогает Пекину создавать систему предупреждения о ракетном нападении (СПРН), которая «капитальным, кардинальным образом повысит обороноспособность» КНР⁵. Новый этап двустороннего военного сотрудничества, который начался в 2018–2019 годах, харак-

теризуется охватом в том числе и области стратегических вооружений. Это создало дополнительные основания утверждать, что между странами осуществляется взаимодействие высокого уровня, характерное для традиционных международных союзов [Кашин 2019б]. При этом в двусторонних документах обязательства по защите друг друга в случае возможной агрессии отсутствуют. В Совместном заявлении Российской Федерации и КНР о развитии отношений всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху, принятом в июне 2019 года, отмечается, что страны руководствуются принципами отказа от установления союзнических отношений, конфронтации и направленности против третьих сторон⁶.

В современных исследованиях отсутствуют развёрнутые объяснения, почему Россия и Китай, несмотря на объективно высокий уровень сотрудничества, не торопятся с заключением альянса, основанного на юридически закреплённых обязательствах по взаимопомощи. Имеющиеся публикации сводят отсутствие такого оформления отношений к заинтересованности обеих стран в партнёрстве с Западом. В случае заключения антиамериканского союза последнее станет фактически невозможным. Таким образом, принятие двусторонних юридических гарантий будет ограничивать свободу рук Москвы и Пекина [Лукин 2013: 332; Lukin 2018: 104,191]. В качестве возможных причин отсутствия альянса также приводятся различия в хозяйственных моделях и комплементарности в экономическом взаимодействии, предопределяющие разницу в интересах, негативная историческая память и разногласия в интерпретации общего опыта [Korolev, Portyakov 2019].

В ряде работ рассматривается, в какой степени военное сотрудничество стран на

⁵ Путин В.В. Заседание дискуссионного клуба «Валдай» // Президент России. 03.10.2019. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/61719> (дата обращения: 30.10.2019).

⁶ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о развитии отношений всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху // Президент России. 05.07.2019. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5413> (дата обращения: 30.10.2019).

практике соответствует уровню, характерному для военно-политических альянсов, без ответа на вопрос, почему страны не формализуют обязательства [Korolev 2018]. При этом В. Кашин и А. Лукин констатируют, что политическое решение со стороны руководства обеих стран о формировании альянса отсутствует, но может быть принято в случае гипотетического сценария глобального вооружённого конфликта с участием США [Kashin, Lukin 2018: 631].

В целом в литературе, оценивающей современное состояние российско-китайского взаимодействия, недостаёт опоры на более широкие теоретические основания, в том числе на современную теорию военно-политических альянсов. Последняя позволила бы обогатить и уточнить объяснения того, почему стороны до сих пор не приняли союзнических обязательств в отношении друг друга. Настоящая статья ставит целью восполнить эту лауну и на основе теоретических разработок Г. Снайдера и других авторов проанализировать основные параметры российско-китайского стратегического партнёрства. Тем самым она поможет выяснить, насколько устойчива современная модель двусторонних отношений, и объяснить, что препятствует заключению военно-политического союза, основанного на юридически закреплённых обязательствах.

1

Перед тем как перейти к изучению опыта российско-китайских отношений и применимости к нему концепта союзничества, настоящий раздел призван поставить такую форму взаимодействия, как военно-политический альянс, в контекст более широкого круга кооперативных объединений. Он также отразит основные подходы к изучению альянсов в теории международных отношений, их ключевые характеристики, возможные причины, обуславливающие формирование симметричных и асимметричных форматов сотрудничества.

Теоретизирование по поводу союзничества в литературе берёт истоки в реалистском направлении международных иссле-

дований. Неореализм исходит из предпосылки, что мировая система анархична, а главный вопрос для любого государства – обеспечение собственной безопасности. Балансирование (balancing) – один из вариантов политики государств, подвергающихся непрерывной внешней угрозе. Внутреннее балансирование (internal balancing) подразумевает наращивание собственного военного потенциала, а внешнее (external balancing) – вступление в альянсы для противодействия оппонентам [Waltz 1979]. Становление военно-политических союзов происходит как в полицентричной системе, в рамках которой ведущие игроки в отношениях между собой сочетают стратегии конфронтации и коалиционного балансирования, так и в условиях гегемонистской и биполярной систем [Истомин, Байков 2019: 35].

Альянсы помогают государству выстраивать внешнеполитическую линию, исходя из того, какие угрозы перед ними встают и на какую помощь от других игроков оно может рассчитывать. Согласно определению Стивена Уолта, альянс предполагает формально закреплённое или неформальное сотрудничество в области безопасности между двумя и более суверенными государствами. Оно означает, что между странами существуют обязательства и они предоставляют друг другу те или иные блага, а прекращение альянса или невыполнение обязательств чревато издержками. Государства с большей вероятностью будут проводить политику балансирования против государств, представляющих для них угрозу, чем присоединяться к ним. На уровень угрозы влияют не только совокупная мощь потенциального противника, но и его географическое местоположение (то есть насколько близко или далеко находится государство), величина наступательного военного потенциала, а также демонстрируемые намерения [Walt 1987: 1–5].

Одной из основополагающих работ в изучении союзничества стал труд Гленна Снайдера. Он по-иному понимает альянсы, чем Ст. Уолт, характеризуя их как формализованные объединения, нацеленные на ис-

пользование вооружённой силы в установленных союзниками условиях против государств, которые не входят в состав альянса. Главная функция такого формата сотрудничества – объединить усилия для того, чтобы успешнее отражать угрозы со стороны противников и обеспечивать собственную безопасность. Другие преимущества альянсов включают в себя: снижение вероятности атаки против союзников, гарантии, что союзник не объединится с оппонентом, устранение вероятности нападения со стороны союзника, увеличение влияния на его политику. Кроме того, наличие такого объединения предполагает, что участники будут поддерживать друг друга по широкому кругу внешнеполитических вопросов помимо коллективной обороны, даже если в договоре они впрямую не прописаны. Вступление в альянс порождает и издержки. В первую очередь, это риск потери автономии, включая необходимость вступать в военные действия в интересах союзника, риск оказаться вовлечённым в военные действия в случае, когда государство хотело бы этого избежать, риск создания конкурирующего союза и ограничения выбора партнёров в будущем. Соответственно для заключения альянса его потенциальные преимущества должны превышать издержки [Snyder 1997: 4–12, 43–44].

Отличительная особенность военно-политических объединений в рамках анархической международной системы заключается в том, что соблюдение обязательств не может быть навязано силой, а значит, существуют риски того, что союзник не будет их выполнять. В полицентричной системе они повышаются: формализация союзнических отношений снижает неопределённость, но не может её полностью ликвидировать. Таким образом, все альянсы характеризуются дилеммой, связанной с рисками как невыполнения обязательств союзником в случае конфликта, так и опасностью вступления в военные действия ради целей, которые государство не разделяет [Snyder 1997: 17–18, 165–200].

Заключение союза предполагает, что государство сознательно идёт на ограниче-

ние внешнеполитических опций для того, чтобы увеличить свою безопасность. Оно может быть вынуждено принять навязываемый союзником курс или воздержаться от проведения политики, которая в наибольшей степени соответствует его национальным интересам [Dian 2014: 4, 8–12]. Альянсы могут возникать и без письменно закреплённых обязательств, но в этом случае необходимо устное обещание, которое должно постоянно подкрепляться направленной на реализацию обязательств деятельностью, для того чтобы стороны продолжали считать подобный союз надёжным [Korolev 2018: 4]. Таким образом, для функционирования альянса важны как соглашения между государствами, которые фиксируют параметры военно-политического взаимодействия в случае конфликтов, так и непосредственные практики сотрудничества [Истомин 2017: 94].

На выбор государства по поводу вступления в альянс влияют как переменные, характеризующие международную структуру, так и те, которые детерминируют ситуационный контекст избираемой государством стратегии – интересы, мощь и степень взаимной зависимости партнёров. Общность интересов зачастую служит предпосылкой для сближения, а заключение альянса обычно приводит к частичному перениманию стратегических целей контрагента, даже если они ранее не были свойственны одному из государств. Соотношение мощи (в первую очередь военных потенциалов) – одна из ключевых переменных, влияющих на решение о создании альянсов. Наконец, взаимозависимость может проявляться как в экономике, так и в сфере безопасности. Последняя определяется тем, насколько сильно противоречия в интересах, насколько вероятно возникновение вооружённого конфликта и каково соотношение военных потенциалов с противником. Исходя из соотношения степеней зависимости государств друг от друга, возникают симметричные альянсы, предполагающие союз сопоставимых стран с равными обязательствами, и асимметричные, в которых ожидания со стороны

более сильного и слабого государства разнятся. В последнем случае часто наблюдается доминирование более крупного игрока [Snyder 1997: 12, 20–31]. Закупка передовых вооружений или получение военных технологий создают стимулы для вступления в альянс, тогда как наличие полностью автономного оборонно-промышленного комплекса, способного осуществлять передовые разработки, наоборот, позволяет государству сохранять внешнеполитическую автономию [Dian 2014: 9–11].

Неоклассический реализм вносит существенное дополнение в представленные выше построения. Помимо структуры международной системы как независимой переменной и выбираемой государством стратегии как зависимой переменной, неоклассический реализм добавляет промежуточные характеристики, отражающие влияние внутренней политики (*unit-level intervening variable*). Данная переменная может влиять на изменение оценки внешних угроз и выбор стратегии (например, балансировать или присоединиться к более сильной стороне) [Schweller 2006].

Настоящая статья опирается на выработанную Г. Снайдером концепцию альянсов. Последняя, базируясь на реалистских основаниях, также учитывает переменные, концептуализированные в рамках неолиберального и конструктивистского направлений (например, согласование позиций при формировании альянсов и их трансформации, уровень и характер взаимозависимости между странами). Она выступает самой разработанной комплексной теорией, объясняющей формирование и трансформацию военно-политических союзов. Опора на теоретический подход Г. Снайдера соответствует задаче настоящего исследования – объяснить отсутствие формализованных обязательств по коллективной обороне в отношениях России и Китая.

Помимо систематического обзора теоретической литературы, важной для целей данного исследования представляется и устоявшаяся концептуализация современного характера российско-китайских отношений, отражающая особенности теку-

щего этапа их сотрудничества. В литературе превалирует мнение, что стратегическое партнёрство двух стран не соответствует полноценным союзническим отношениям [Лукин 2013: 332; Korolev, Portyakov 2018; Lukin 2018: 190–191], и целый ряд исследователей характеризует его с помощью концепта сближения (*alignment*) [Kashin 2019; Korolev 2015; Korolev, Portyakov 2018; Weitz 2020; Wilkins 2012: 67]. Он связан с формированием ожиданий по поводу того, какие государства в будущем будут их поддерживать, противостоять им или сохранять нейтралитет. При этом сближение может приобретать различные формы, включая самый институционализированный вариант – формализованный альянс.

Его осуществление зависит от восприятия государствами интересов, потенциала и политики контрагентов, включая их обязательства в рамках альянсов. Такие характеристики, как наличие общего противника, общая идеология, этнический состав и способность повысить безопасность при неравновесных потенциалах, могут приводить к тому, что страны будут более склонны ожидать, что партнёр их поддержит. Восприятие поддержки со стороны другой державы может усиливать действия совместным действием, например учениям, общему военному планированию, дипломатическим заявлениям и соглашениям, вплоть до заключения альянса. Формы сближения могут трансформироваться в соответствии с динамикой мощи и интересов [Snyder 1997: 6–7].

Различные вариации сближения позволяют государствам находить более гибкие возможности сотрудничества по сравнению с формализованными обязательствами, соответствующими военно-политическому альянсу. Альтернативой последнему может выступать такая разновидность взаимодействия, как стратегическое партнёрство. Оно предполагает структурированное сотрудничество между государствами для выработки более успешного ответа на вызовы безопасности, чем каждый из партнёров мог бы обеспечить в отдельности. В этих условиях внешнеполитическое сближение

направлено в большей степени на реализацию общих целей, нежели против угрозы со стороны конкретного государства. Стратегические партнёрства характеризуются менее выраженной степенью кодификации сотрудничества по сравнению с альянсами и меньшими издержками по выполнению своих обязательств, что позволяет государствам сохранять значительную свободу действий [Wilkins 2012: 53–59, 67–69].

В то же время для стратегических партнёрств характерно структурированное сотрудничество: регулярные визиты, межправительственные связи, совместные учения. Во многих случаях они сопровождаются углублённым экономическим и военно-техническим взаимодействием. Заключаемым КНР партнёрствам присущ акцент на сотрудничестве в областях с комплементарными интересами и общими целями, прежде всего в экономической сфере, при вынесении за скобки областей противоречий и конфликтов. Благодаря регулярному взаимодействию партнёрства позволяют вырабатывать более обоснованные ожидания и снижать риски в отношениях между партнёрами. Эмпирический анализ заключаемых Китаем партнёрств показывает, что он руководствуется прагматичными интересами, в первую очередь стратегической и экономической значимостью государств, а не идеологическими соображениями. Для КНР важно и то, насколько контрагенты могут поддержать его внешнеполитическую стратегию, способствуя реализации китайских стратегических императивов [Struver 2017: 31–65]. С помощью выстроенной с начала 1990-х годов системе партнёрств с несколькими десятками государств с акцентом на консультации, сотрудничестве и поиске взаимной выгоды, Китаю удалось снизить уровень конфронтации и существенно повысить уровень собственной безопасности. При этом термин «партнёрства» является нейтральным, он не исключает наличия проблем и трений, а также конкуренцию одновременно с сотрудниче-

ством. Формы, функции и содержание партнёрства различаются в зависимости от страны [Портяков 2013: 42–48].

На основании рассмотренных теоретических положений был избран следующий дизайн эмпирического исследования: характеристика областей совпадения интересов и ключевых параметров отношений России и Китая в политической и военной сферах и последующее объяснение, почему сближение не трансформируется в формализованные обязательства по обеспечению коллективной обороны. Для того чтобы определить, насколько заключение альянса необходимо для поддержания безопасности государств, будет дана оценка соотношения выгод и издержек формирования союза, а также его отражения в дискуссиях внутри политико-экспертных элит двух стран (анализ внутривнутриполитической переменной). Далее будут рассмотрены выделенные Г. Снайдером переменные интересов, соотношения мощи и степени взаимозависимости в российско-китайских отношениях для определения, какой формат сотрудничества наиболее вероятен.

2

Современное российско-китайское взаимодействие можно определить как глубокое сближение, характеризующееся в терминах стратегического партнёрства⁷. При нормализации отношений, начавшейся с визита президента Советского Союза М.С. Горбачева в Китай в 1989 году, Москва и Пекин достигли договорённости не вступать в конфронтацию, решать спорные вопросы путём переговоров и развивать многоплановое сотрудничество. В подписанной в 1992 г. декларации стороны договорились рассматривать друг друга как дружественные государства и развивать отношения добрососедства, дружбы и взаимовыгодного сотрудничества. В совместной декларации 1996 г. ставилась цель развивать «отношения равноправного доверительного партнёрства, направленного на

⁷ Подробнее об основных тенденциях развития российско-китайских отношений и их проблемах см.: [Лукин 2013; Воскресенский 2015; Lukin 2018; Киреева 2019].

стратегическое взаимодействие в XXI веке». При этом стороны подчёркивали, что сотрудничество не направлено против третьих стран и не предполагает создание альянса. В 1997 г. Россия и Китай поставили общую цель построения многополярного мирового порядка. В 1996–1997 годах были подписаны Шанхайское и Московское соглашения об укреплении мер доверия в военной области и о взаимном сокращении вооружённых сил в районе границы между КНР и четырьмя бывшими советскими республиками (Россией, Казахстаном, Киргизией и Таджикистаном).

Российско-китайский договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве 2001 г. стал базовым документом, заложившим основу многоформатного сотрудничества. Он определяет отношения двух стран как «всеобъемлющее равноправное доверительное партнёрство и стратегическое взаимодействие»⁸. В 2001 г. РФ, КНР и странами Центральной Азии была сформирована Шанхайская организация сотрудничества. В результате длительных переговоров в 2004 г. было подписано соглашение о границе в её восточной части, что способствовало урегулированию пограничного вопроса между странами. В 2005 г. Россия и Китай вновь отметили необходимость формирования более справедливого мирового порядка, а в 2010 г. выдвинули инициативу по созданию «новой архитектуры безопасности» в Азиатско-Тихоокеанском регионе [Лукин 2013: 299–354; Воскресенский 2015: 34–46].

С 2014 г. отношения России и КНР перешли на новый уровень. Укрепление двустороннего взаимодействия, последовавшее за обострением противоречий между Москвой и странами Запада, привело к беспрецедентному по интенсивности сотрудничеству. Эта динамика нашла отражение в совместном заявлении о новом этапе отношений всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия⁹. В мае 2015 г. было также подписано заявление двух стран о сотрудничестве по сопряжению Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и Экономического пояса Шелкового пути как части инициативы «Пояса и пути»¹⁰. В 2016 г. лидеры России и Китая приняли совместное заявление об укреплении стратегической стабильности, в котором отмечалась значимость различных видов вооружений помимо ядерного оружия для поддержания глобальной безопасности¹¹. Двусторонние отношения официально обозначаются как «всеобъемлющее равноправное партнёрство и стратегическое взаимодействие»¹².

За 30 лет отношений произошла институционализация контактов официальных представителей двух стран. С 1996 г. их венчают ежегодные визиты лидеров государств по очереди в Россию и Китай, дополняемые их встречами (по 4–5 раз в год) на площадках международных форумов. Кроме того, на регулярной основе проводятся встречи глав правительств, заседания пяти межправительственных комиссий, осуществляются межведомственные кон-

⁸ Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой // Президент России. 16.07.2001. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3418> (дата обращения: 11.04.2019).

⁹ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о новом этапе отношений всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия // Президент России. 20.05.2014. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/1642> (дата обращения: 11.04.2019).

¹⁰ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шёлкового пути // Президент России. 08.05.2015. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/4971> (дата обращения: 11.04.2019).

¹¹ Совместное заявление Президента Российской Федерации и Председателя Китайской Народной Республики об укреплении глобальной стратегической стабильности // Президент России. 25.06.2016. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5098> (дата обращения: 11.04.2019).

¹² Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о развитии отношений всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху.

такты и межрегиональные связи. Значимую роль в укреплении двустороннего взаимодействия играет высокий уровень доверия между руководителями обеих стран, который способствовал беспрецедентному уровню координации внешнеполитических курсов [Lukin 2018: 128–134].

Стратегическое партнёрство России и Китая имеет несколько оснований. *Во-первых*, их объединяет поддержка полицентричного мирового порядка как желаемого варианта устройства мировой системы. Обе страны стремятся выступать в качестве самостоятельных центров силы в рамках более плюралистичной и демократической системы международных отношений. Москва и Пекин хотели бы видеть такой международный порядок, в котором они наряду с другими западными государствами не были бы подчинены США и их союзникам, а занимали бы равное по статусу положение.

Во-вторых, и Россия, и Китай подчёркивают уважение принципов суверенитета, территориальной целостности и невмешательства во внутренние дела. С этим связано их неприятие односторонних действий США, стремления навязать американоцентричный порядок, который не позволяет другим государствам реализовывать их политические и экономические цели. Укрепление партнёрства России и Китая стало реакцией на негативные изменения международной среды, связанные со снижением роли международного права и ООН. Помимо критики американского интервенционизма, оба государства негативно относятся к выстроенной США сети альянсов. Направленная на сдерживание России и КНР политика администрации Д. Трампа способствовала дальнейшему сближению двух государств [Лукин 2013: 329–334; Воскресенский 2015: 34–46; Kashin, Lukin 2018: 615–617; Lukin 2018: 190; Ma, Zhang 2019: 27–29; Российско-китайский диалог 2019: 22].

В совместном заявлении 2016 г. Соединённые Штаты и их союзники обвиняются в попытках обеспечения собственной безопасности за счёт других стран и стремлении добиться военного превосходства, которое позволило бы им применять силу для реализации своих интересов. Россия и Китай выражали обеспокоенность по поводу развёртывания США системы противоракетной обороны в Европе и Азии, а также милитаризации космоса¹³. Действия Вашингтона рассматриваются как препятствие на пути создания единой открытой, транспарентной и равноправной архитектуры безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе [Streltsov, Kireeva, Dyachkov 2018: 116–117]. Обе страны беспокоит укрепление американского военного потенциала у их границ [Sutter 2018: 9]. Россия и КНР хотели бы создать плюралистический порядок в Азии, который отражал бы их представления о полицентричной международной системе и принципе невступления в альянсы [Wishnick 2018: 375–378]. Совместное заявление лидеров двух стран, принятое в июне 2019 года, символизировало, что на фоне турбулентности мирового порядка, нарастания конкуренции и разрушения режима контроля над вооружениями российско-китайские отношения сохраняют траекторию развития и выступают стабилизирующим фактором международной системы¹⁴.

Помимо отмеченных выше совпадающих позиций, в число оснований российско-китайского сотрудничества входит общая заинтересованность в реформировании институтов глобального управления, современной финансовой и экономической систем с целью увеличения роли незападных стран. Особая роль в достижении этих целей отводится сотрудничеству в рамках БРИКС и «группы двадцати» [Российско-китайский диалог 2016: 4–12; Kashin, Lukin 2018: 617]. Россия и Китай демонстрируют близкие по-

¹³ Совместное заявление Президента Российской Федерации и Председателя Китайской Народной Республики об укреплении глобальной стратегической стабильности.

¹⁴ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о развитии отношений всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху.

зиции относительно неприемлемости разрушения действующей системы соглашений в области контроля над вооружениями, разоружения и нераспространения и необходимости многостороннего договора о размещении оружия на околоземной орбите. Страны выступают против протекционизма, одностороннего политического шантажа и валютного диктата в торгово-экономическом сотрудничестве, санкций и торговых войн, вмешательства во внутренние дела в Венесуэле, односторонних санкций в отношении Ирана, международного терроризма, за решение сирийского конфликта политико-дипломатическим путём и поддержку национального строительства в Афганистане¹⁵. Россия и Китай также критикуют политику США в отношении информационного пространства, рассматривая Интернет сквозь призму национальной безопасности [Sutter 2018: 9].

Другое выражение совпадающих интересов – близость позиций двух стран по урегулированию проблем Корейского полуострова. В этом вопросе они выступили с совместной инициативой Дорожной карты по разрешению сохраняющихся противоречий между КНДР и международным сообществом¹⁶. При этом Россия и Китай критиковали размещение американского комплекса ТНААД в Южной Корее и с 2016 г. начали проводить совместные учения в сфере противовоздушной и противоракетной обороны «Воздушно-космическая безопасность» [Kashin, Lukin 2018: 622–623]. Руководство России и Китай на протяжении всего периода развития отношений сознательно старалось минимизировать разногласия [Kogolev, Portyakov 2019].

Комплементарность интересов Москвы и Пекина определяется причинами гео-

стратегического характера. Фокус российской внешней политики и её интеграционные инициативы обращены в глубь Евразии, тогда как китайской – на Восточно-Азиатский регион. Двустороннее сотрудничество предопределяется тем, что каждая из стран сталкивается с угрозой со стороны одного и того же противника в приоритетных для неё регионах [Силаев, Сушенцов 2018: 10–19]. В Центральной Азии интересы России и Китая совпадают по ключевым вопросам поддержания политической стабильности, сохранения у власти светских режимов и ускоренного экономического развития в целях стабилизации региона [Kashin, Lukin 2018: 630]. Помимо этого, с точки зрения КНР, сотрудничество с Москвой было необходимо для успешной реализации политики реформ и открытости, создания благоприятной внешней обстановки для обеспечения экономического роста. С этой целью Пекин развивал отношения со всеми ведущими мировыми державами [Ma, Zhang 2019: 28–29].

Успешное сопряжение ЕАЭС и ЭПШП может позволить России и Китаю сформировать кооперационный порядок на обширном евразийском пространстве, добиться синергии интеграционных усилий, сформировать единые правила игры и содействовать достижению неделимой безопасности. России выдвигание концепции Большого евразийского партнёрства предоставило возможность выступить в качестве самостоятельного интеграционного центра и попытаться использовать интерес Китая для реализации дву- и многосторонних проектов. Пекину сотрудничество с Москвой и её партнёрами позволяет продвигать его инициативу в регионе намного более успешно [Экономический пояс Евразии

¹⁵ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о развитии отношений всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики об укреплении глобальной стратегической стабильности в современную эпоху // Президент России. 05.06.2019. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5412> (дата обращения: 30.10.2019).

¹⁶ Совместное заявление Министерства иностранных дел Российской Федерации и Министерства иностранных дел Китайской Народной Республики по проблемам Корейского полуострова // МИД РФ. 04.07.2017. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/kpj/-/asset_publisher/VJy7lg5QaAll/content/id/2807662 (дата обращения: 11.04.2019).

зийской интеграции 2016: 13–14, 120–125; Российско-китайские отношения 2018: 90–92; Ma, Zhang 2019: 27].

Глубину стратегического партнёрства подчёркивает высокий уровень развития военно-технического сотрудничества и военных связей двух стран. В 1993 г. министерства обороны России и Китая заключили соглашение¹⁷, на основе которого стали осуществляться контакты между военными ведомствами на уровне их руководителей, начальников Генштаба, Совета национальной безопасности РФ и Государственного совета КНР. Между военными двух стран проходит в среднем от 20 до 30 мероприятий в год, включая учения и подготовку кадров. Содержание заявлений по итогам двусторонних консультаций показывает усиление озабоченности сторон относительно угрозы, порождаемой США, уважение взглядов партнёра на ухудшение обстановки в области безопасности, признание необходимости нахождения совместных ответов на вызовы. Россия и Китай избегают идентификации друг друга как угрозы безопасности во время контактов с третьими странами и в публичном пространстве [Kogolev 2018: 6–8].

В 1992 г. между Россией и КНР было заключено Соглашение о военно-техническом сотрудничестве (ВТС), положившее начало масштабному взаимодействию. Расширение контактов между военными и снижение напряжённости на границе после соглашений 1996–1997 годов привели к тому, что постепенно в Китай стали поставляться всё более сложные образцы военной техники, а за продажей вооружений последовала передача лицензий и проектирование по китайским заказам. Развитие военно-технического сотрудничества между двумя странами в 1990-х годах позволило КНР осуществить переоснащение собственных вооружённых сил и сделать качественный скачок на одно-два поколения

вперёд [Кашин, Габуев 2017: 1–23; Kashin, Lukin 2018: 618–620].

В середине 2000-х сотрудничество замедлилось в связи с загрузкой российско-го оборонно-промышленного комплекса внутренними заказами, диверсификацией партнёров по экспорту и повышением рисков нелегального копирования технологий Китаем. В 2014–2015 годах военно-техническое сотрудничество получило новый импульс, когда были подписаны контракты по закупке Пекином не менее шести дивизионов зенитно-ракетной системы большой и средней дальности С-400 на сумму более 3 млрд долларов и 24 истребителей Су-35 на сумму 2 млрд долларов. Немаловажную роль в предоставлении новейших образцов российских вооружений сыграло развитие военно-промышленного комплекса КНР, которое порождает риски снижения российской доли на китайском рынке в долгосрочной перспективе. Новые поставки позволят Пекину повысить цену участия в боевых действиях для потенциальных противников на своей периферии и тем самым снизить угрозу применения военной силы со стороны США [Кашин, Габуев 2017: 1–23; Kashin, Lukin 2018: 618–620].

С 2005 г. стали проводиться сухопутные учения «Мирная миссия», а с 2012 – «Морское взаимодействие», причём их масштаб с течением времени заметно возрос, а география расширилась. В 2015–2019 годах морские учения впервые проходили в Средиземном, Южно-Китайском, Чёрном и Балтийском морях. Подобного плана взаимодействие позволило сторонам повысить согласованность в таких областях, как связь, планирование, логистика и разведка, а также оперативная совместимость. КНР эти учения предоставили возможность взаимодействия с одной из самых опытных военных держав мира и помогли осуществлять тренировки по выполнению боевых задач в

¹⁷ Соглашение между Министерством обороны Российской Федерации и Министерством обороны Китайской Народной Республики о военном сотрудничестве // Официальный интернет-портал правовой информации. 11.10.1993. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102026598&rdk=&backlink=1> (дата обращения: 11.04.2019).

отдалённых регионах, в которых корабли китайского флота обычно не появлялись. Совместные учения также позволили военным России и Китая укрепить доверие, подтвердить дружественные намерения в отношении друг друга и составить лучшее представление относительно боевых возможностей партнёра [Weitz 2018: 42–44].

В 2018 г. Китай и Монголия приняли участие в самых масштабных в современной российской истории стратегических учениях «Восток-2018». Присутствие на них китайских подразделений позволило вести отработку технических вопросов военного сотрудничества даже без заключения соглашений о коллективной обороне. Тем самым создавались предпосылки для формирования альянса на случай принятия подобного решения¹⁸. Обозначенные характеристики позволили специалистам в военной сфере заключить, что по уровню сотрудничества вооружённых сил стороны подошли к черте, за которой начинается формирование военно-политического союза [Korolev 2018: 15–16; Kashin, Lukin 2018: 631].

23 июля 2019 г. самолёты дальней стратегической авиации России и Китая совершили первое совместное воздушное патрулирование. Подобное расширение форм сотрудничества показательно на фоне усиления конфронтации не только между Россией и США, но и Китаем и Соединёнными Штатами. Для Москвы дальняя стратегическая авиация — один из ключевых инструментов проецирования силы в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Помимо этого, планируется перезаключение действующего с 1993 г. российско-китайского договора о военно-техническом сотрудничестве. Как ожидается, в новом варианте получит отражение расширение взаимодействия, которое произошло на практике к настоящему времени [Kashin 2019a].

О новом этапе также свидетельствует

заявление В.В. Путина в октябре 2019 г. о том, что Россия помогает Китаю создать систему предупреждения о ракетном нападении¹⁹. Наличие подобного комплекса позволяет государству наносить ответно-встречный удар до поражения ядерным оружием противника. Москва и Пекин на конец 2010-х годов не планировали создание единой системы с общим командованием, но текущее сотрудничество обеспечивает возможность для обмена данными радаров в реальном времени. В случае такой интеграции произойдёт сокращение времени предупреждения о ракетном ударе — для России благодаря китайским станциям на юге и юго-востоке, а для Китая благодаря российским радарам на севере [Kashin 2019b].

На фоне обострения противостояния России и Китая с США и их союзниками дальнейшее расширение военного сотрудничества Москвы и Пекина может способствовать его перетеканию во всё новые области. В качестве таковых эксперты рассматривают стратегическую противоракетную оборону, гиперзвуковые технологии, строительство атомных подводных лодок, стратегические командно-штабные учения [Kashin 2019b], совместные НИОКР в сфере военно-технического сотрудничества, обмен разведывательными данными о планах и действиях США [Российско-китайский диалог 2019: 20].

Таким образом, сближение России и Китая имеет объективные причины и долгосрочные основания. Основой для него стала близость стратегических интересов двух стран. Стратегическое партнёрство позволяет им поддерживать друг друга в противоборстве с США в дипломатической, военной и экономической сферах. Развитие сотрудничества в течение 1990-х и 2000-х годов и несменяемость приоритетов позволили руководству обеих стран

¹⁸ Китай впервые поучаствует в стратегических российских учениях «Восток-2018» // Ведомости. 20.08.2018. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2018/08/20/778598-kitai> (дата обращения: 11.04.2019).

¹⁹ Путин В.В. Заседание дискуссионного клуба «Валдай» // Президент России. 03.10.2019. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/61719> (дата обращения: 30.10.2019).

убедиться в намерениях партнёра и предсказуемости отношений. В частности, были сформированы ожидания, что противоположная сторона не будет поддерживать сепаратистские силы или враждебную политику третьих стран. Наличие общей границы у России и Китая в совокупности с высоким уровнем их сотрудничества фактически исключает для обоих государств возможность их стратегического окружения [Лукин 2013: 329–334]. Страны остаются самыми крупными партнёрами друг для друга с протяжённой общей границей, что предопределяет большую значимость стабильных и добрососедских отношений для их внешней политики и безопасности. Они гарантируют более стабильную основу отношений со странами Запада и позволяют сосредотачивать меньший военный потенциал у границ с партнёром [Voskressenski 2012: 3–4; Ma, Zhang 2019: 28].

Э

Исходя из устоявшейся терминологии российско-китайские отношения нельзя назвать альянсом в связи с отсутствием формализованных договорённостей о совместной обороне и взаимных обязательств в области безопасности. Двусторонний договор 2001 г. предусматривает отказ от использования силы или угрозы её применения, ненацеливание друг на друга ядерного оружия, отказ от вступления в союзы, которые будут нарушать суверенитет, безопасность и территориальную целостность партнёра, механизм консультаций в целях устранения угрозы в случае возникновения ситуации, которая, по мнению одной из сторон, может создать угрозу миру или затронуть интересы безопасности²⁰. Таким образом, документ закрепляет обязательства о ненападении и взаимных консультациях, что превышает обычно включаемые в подобные соглашения гарантии. Тем не менее в нём не содержится характерных для альянсов обязательств защищать друг

друга в случае вооружённого нападения [Korolev 2018: 5].

Основываясь на доступной в публичном пространстве информации, невозможно сказать о наличии неафишируемых взаимных обязательств в сфере обороны, которые можно было бы приравнять к защитному пакту. От военных альянсов, которые выстроили США с широким кругом европейских и азиатских государств, российско-китайское партнёрство отличает не только отсутствие формально закреплённых договорённостей о совместных действиях, но и практик сигнализирования друг другу решимости оказывать помощь в случае конфликтов. Последние и формируют представления об устойчивости взаимных гарантий [Истомин 2017: 103].

Подобное положение объясняется соотношением **выгод и издержек** от альянса как для Москвы, так и для Пекина, которое складывается не в пользу его заключения. Такое объединение способствовало бы увеличению потенциала сдерживания США каждого из потенциальных союзников. Помимо этого, оно позволило бы снизить вероятность сближения второй стороны с Соединёнными Штатами, исключить угрозу её перехода к враждебным действиям и получить большее влияние над её внешнеполитическими действиями. В то же время России и Китаю приходится принимать во внимание издержки союзничества. В частности, риски вовлечения в конфронтацию, которое государство хотело бы избежать, укрепления американской сети альянсов ввиду обострившейся дилеммы безопасности и ограничения автономии своей внешней политики вследствие необходимости координации с партнёром.

В период становления их стратегического партнёрства Россия и Китай отмечали, что выстраиваемые отношения не направлены против третьих стран. Это обуславливалось тем, что западные государства не рассматривались в качестве настолько се-

²⁰ Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой // Президент России. 16.07.2001. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3418> (дата обращения: 30.10.2019).

рѣзного противника, чтобы отказаться от сотрудничества с ним. Наоборот, интересам и Москвы, и Пекина соответствовало политическое, экономическое и технологическое сближение с Западом, так как оно способствовало их развитию [Ши 2017]. Создание союза антиамериканской направленности стало бы возможным только в случае, если бы угроза со стороны США потребовала бы фактического разрыва отношений с ними и их союзниками [Лукин 2013: 332; Lukin 2018: 104].

Преимущества от заключения союза Москвы и Пекина на современном этапе не перевешивают издержки, связанные с обеспечением их безопасности. Угроза со стороны США до сих пор не воспринималась обеими странами как настолько острая, чтобы страны не могли противостоять ей поодиночке при сохранении текущего уровня координации. Несмотря на существенную деградацию отношений России с США и НАТО, наличие ядерного щита и разработка передовых вооружений, ряд из которых не имеет аналогов в мире, гарантируют малую вероятность прямого военного столкновения. Только Россия обладает глобальным стратегическим потенциалом, аналогичным США, и способна нанести ответный ядерный удар, что заметно снижает риски конвенциональной войны [Kogolev 2015]. Внешняя политика России фокусируется, прежде всего, на постсоветском пространстве и отношениях с ЕС. Экономические связи с Европой, хотя и отягощены санкционным режимом, остаются значимыми для развития страны. Найти им замену в технологической сфере крайне сложно. В Азии Россия также заинтересована в диверсификации внешнеполитических и внешнеэкономических связей, развивая сотрудничество с Японией, Республикой Корея, АСЕАН, Индией и другими странами [Lukin 2018: 191; Ma, Zhang, 2019: 33–35].

Для Китая, модель развития которого построена на привлечении иностранных инвестиций, заимствовании технологий и экспорте готовой продукции, сотрудничество с Западом играет значительную роль,

даже несмотря на торговую войну с США и вводимые Соединёнными Штатами и ЕС ограничения на технологические трансферы. За вычетом импорта энергоресурсов Россия гораздо менее привлекательна для КНР как экономический партнёр. Она не способна заместить связи с Западом.

Китайские инвесторы больше заинтересованы в инвестициях на других рынках [Lukin 2018: 191; Ma, Zhang 2019: 31, 35]. Вследствие особенностей бизнес-климата и изъянов правовой среды, а также нехватки финансирования приграничное сотрудничество между Сибирью и Дальним Востоком России и Северо-Востоком Китая, за исключением местной торговли, развивалось слабо. Оно до сих пор не смогло стать локомотивом экономического развития и укрепления взаимодействия двух стран [Ши 2017]. Сложности привлечения китайских инвестиций на Дальний Восток связаны, в первую очередь, с уровнем развития региона: узким внутренним рынком, недостатком собственных трудовых ресурсов, неразвитой транспортно-производственной инфраструктурой, высокими издержками и отсутствием модернизированных пограничных переходов [Зуенко 2020]. Трансформация данных параметров – долгосрочная задача.

Расширение внутреннего спроса и построение более сбалансированной экономической модели в КНР, сочетающей ориентацию на собственный рынок и экспорт, займёт продолжительное время. В любом случае эти тенденции не равносильны отказу от внешнеэкономической ориентации. Более того, реализация программы «Сделано в Китае 2025», которая должна вывести КНР на один технологический уровень с ведущими мировыми странами, осложнена значительными ограничениями и в полной мере нереализуема без кооперации с Западом, в особенности с США [Made in China 2025 2016: 37–42].

В военном планировании Пекин помимо оборонительных целей ставит задачи нарастить потенциал для победы в современных высокотехнологичных войнах локального масштаба с акцентом на столкно-

вениях на море²¹. Он даже в большей степени, чем Москва, стремится преграждать доступ потенциального противника к своей периферии. Определение администрацией Д. Трампа России и Китая в качестве стратегических противников²² и проводимая США соответствующая политика привели к восприятию стратегии Вашингтона как направленной на их сдерживание. Особенно болезненно Пекин воспринимает стремление подорвать его курс на технологическое развитие [Kashin, Lukin 2018: 616–617].

Тем не менее и Россия, и Китай сохраняют готовность к диалогу с Западом, что иллюстрируется стремлением Москвы взаимодействовать с Соединёнными Штатами по вопросам контроля над вооружениями²³, а также торговыми переговорами Вашингтона и Пекина, включая заключённые договорённости о первой фазе «торговой сделки» в январе 2020 года²⁴. Именно США наиболее значимы для Китая не только с точки зрения экономических связей, но стратегически в вопросах обсуждения мирового и регионального порядка [Lukin 2018: 191; Charap, Drennan, Noel 2017: 25]. КНР больше России заинтересована в поддержании рабочих отношений с Соединёнными Штатами и не хочет, чтобы её рассматривали как ревизионистскую державу [Sutter 2018: 10]. Китай остается заинтересован в реформировании международного порядка и институтов глобального управления таким образом, чтобы развивающиеся страны заняли в них более значимое место. Несмотря на унилатералистский подход администрации Д. Трампа

и беспрецедентные трения в китайско-американских отношениях, Китай готов работать с другими странами для сохранения мирового порядка. Нахождение новой стабильности в отношениях КНР и США представляется важным для того, чтобы будущий мировой порядок не погряз в конфронтации [Chen, Zhang 2020: 23–24]. Китайские эксперты постоянно подчёркивают ненаправленность российско-китайского сотрудничества против третьих стран [Фэн 2018; Ма, Zhang 2019: 34–35].

С точки зрения китайских исследователей Фэн Юйцзюня и Шан Юэ, выгоды от возможного альянса с Москвой сложно адекватно оценить. Они могут оказаться иллюзорными из-за сложности современного международного взаимодействия. Между тем издержки в виде ухудшения отношений с США будут весьма конкретными, а эскалация противоборства сложно контролируемой. Маловероятно, что произойдёт снижение давления Вашингтона на обе страны. Несмотря на усиление российско-китайского стратегического партнёрства, Соединённые Штаты успешно реализуют меры, направленные против России в Европе (например, усиление военного присутствия в Центральной и Восточной Европе) и Китая в Азии (размещение комплекса ТНААД в Южной Корее, операции по поддержанию свободы судоходства в Южно-Китайском море).

Модель противостояния, которая сложится в результате формирования российско-китайского союза, не поможет странам лучше решать общемировые проблемы (изменение климата, научно-технологиче-

²¹ Full Text: China's Military Strategy // Ministry of National Defense. The People's Republic of China. 26.05.2015. URL: http://eng.mod.gov.cn/Press/2015-05/26/content_4586805.htm (дата обращения: 11.04.2019).

²² National Security Strategy of the United States of America / The White House. December 17. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (дата обращения: 11.04.2019).

²³ Россия готова к диалогу с США по вопросам стабильности, заявил Путин // РИА Новости. 05.02.2020. URL: <https://ria.ru/20200205/1564280094.html> (дата обращения: 09.04.2020).

²⁴ Economic and Trade Agreement Between the Government of the United States and the Government of the People's Republic of China // Office of the United States Trade Representative. January 15, 2020. Available at: <https://ustr.gov/sites/default/files/files/agreements/phase%20one%20agreement/Economic%20and%20Trade%20Agreement%20Between%20The%20United%20States%20and%20China%20Text.pdf> (дата обращения: 09.04.2020).

ская революция, стабильность финансовой мировой системы). Она не укрепит, а, наоборот, ослабит глобальную и региональную стабильность. Нет оснований полагать, что такой альянс поможет решить проблемы в двусторонних отношениях Китая или России с США. С точки зрения Пекина, дальнейшее сближение с Москвой в военной сфере не приведёт к ослаблению давления Соединённых Штатов на КНР [Фэн, Шан 2018].

Задача предотвращения сближения их стратегического партнёра с Вашингтоном, которая могла бы обосновывать необходимость заключения альянса, также не стоит в повестке России и Китая. Взаимодействие этих стран развивается на прагматичной и деидеологизированной основе, в отличие от отношений с представителями Запада. Москва рассматривает Пекин в качестве более надёжного партнёра, чем США, так как именно последние создают экзистенциальную угрозу в силу склонности к либеральному интервенционизму. В связи с этим в настоящее время ситуация, при которой Россия пойдёт на сближение с Западом против Китая, не представляется реалистичной, равно как и обратная комбинация невозможна из-за глубины американско-китайских противоречий [Российско-китайский диалог 2019: 23; Lukin 2018: 189–190].

Угроза нападения со стороны партнёра в российско-китайских отношениях также серьёзным образом не стоит. Военное планирование двух стран, хотя и учитывает различные варианты развития международной обстановки, концентрируется на потенциальных сценариях с участием США, НАТО и американских союзников в Азии. Несмотря на то что у некоторых групп российского населения сохраняются опасения относительно нападения со стороны Китая или рисков его демографической экспансии, такие угрозы оценивают-

ся специалистами как маловероятные [Ларин 2017; Ларин, Ларина 2018; Kogolev 2015; Lukin 2018: 162–165]. Согласно данным ВЦИОМ от октября 2019 г., Китай возглавляет список стран, с которыми у России установились дружественные отношения (45% опрошенных), тогда как угрозу в нём видят только 7% респондентов²⁵. Результаты опроса Фонда общественного мнения (ФОМ) в июле 2018 г. следующие: 62% считают Китай дружественным государством, 16% – недружественным; 55% полагают, что усиление Китая не угрожает интересам России, а 26% – что угрожает; 20% считает, что важнее укреплять отношения с Западом, 30% – с Китаем, 29% – и с Западом, и с Китаем²⁶. Россия по-прежнему обладает значительным превосходством в стратегическом потенциале. Алармистским утверждениям о рисках демографической экспансии противоречат данные, демонстрирующие отсутствие масштабных миграционных потоков. Число китайских граждан в России составляет примерно 330 тыс. человек, что составляет 3% от всех иностранцев, проживающих в стране [Lukin 2018: 162–165, 189–190].

Таким образом, Россия и Китай считают собственные потенциалы достаточными для обеспечения безопасности и ведения вооружённой борьбы по наиболее вероятным сценариям поодиночке, что делает преимущества альянса недостаточно привлекательными или необходимыми. Напротив, страны потенциально понесут большие издержки вследствие обострения конфронтации с Западом и разрыва экономического и технологического сотрудничества, которое может последовать за заключением альянса. Не стоит вопрос и о формировании союза для предотвращения иных рисков, таких как, например, сближение партнёров с США или военные действия Москвы и Пекина.

²⁵ Друзья и враги // ВЦИОМ. 28.10.2019. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9971> (дата обращения: 10.04.2020).

²⁶ Россия и Китай: позиции в мире // ФОМ. 11.07.2018. URL: <https://fom.ru/Mir/14063> (дата обращения: 10.04.2020).

4

Дефицит объективных предпосылок и наличие структурных рисков, препятствующих формализации военно-политических обязательств по коллективной обороне, накладываются на характер представлений политических элит России и Китая, а также ряд их внутривнутриполитических особенностей. Руководство обеих стран не ставит перед собой ни официально²⁷, ни фактически цель заключения союза [Fu 2016; Lukin 2018: 128]. Большинство российских экспертов считают сложившиеся механизмы сотрудничества достаточными для преодоления вызовов безопасности и не видят необходимости в заключении полноценного альянса. Китайские эксперты отмечают, что современный характер отношений двух стран поддержан элитами и обществом и, следовательно, оптимален. Они полагают, что Москва и Пекин на обозримую перспективу не будут ни союзниками, ни врагами [Российско-китайский диалог 2015: 7–8; Ma, Zhang 2019: 33].

Стратегическая культура Москвы связана с великодержавными представлениями, которые побуждают её проводить самостоятельную внешнюю политику [Chagar, Drennan, Noel 2017: 25–26]. В послании Федеральному Собранию в феврале 2019 г. В.В. Путин заявил, что на мировой арене Россия традиционно выступала независимым государством, «она или будет таким, либо вообще её не будет»²⁸. Это утверждение несовместимо с ограничением автономии, которое последует за заключением альянса.

Кроме того, в России продолжается дискуссия относительно природы угрозы, которую Россия несёт Запад. Так, отечественный специалист С.А. Караганов утверждает,

что США и страны Запада должны быть однозначно позиционированы как стратегические оппоненты Москвы [Караганов 2018]. Министр иностранных дел С.В. Лавров на пресс-конференции в январе 2019 г. связал причины современного обострения в отношениях России с Западом со стремлением Вашингтона навязать мировому сообществу свою волю силовыми, экономическими и пропагандистскими методами, его нежеланием «принять реальности формирующегося многополярного мира». Тем не менее глава внешнеполитического ведомства заявил, что Россия по-прежнему заинтересована в восстановлении нормальных отношений с США и ЕС «на принципах равноправия и взаимного учёта интересов»²⁹. Между тем академик А.А. Дынкин подчёркивал, что сближение России с Китаем делает её младшим партнёром и даже сателлитом растущей державы в случае формирования биполярного американо-китайского порядка. В этой связи интересам Москвы соответствует расширение контактов с Европой³⁰.

В КНР исторический опыт союзничества с Россией воспринимается негативно. Он стал одной из причин закрепления отказа от формализованных обязательств по коллективной обороне в качестве одного из принципов китайской внешней политики. В этих условиях Китай не заинтересован в формировании антизападного альянса в любом виде. Пекин надеется на развитие отношений с Россией в других форматах, чтобы партнёры могли успешнее достигать своих целей развития и поддерживать друг друга, стабилизируя международную систему. Согласно китайской позиции, с помощью углубления партнёрства страны смогут показать миру, каким обра-

²⁷ Заявление Президента РФ В.В. Путина «У нас нет военного союза с Китаем, и мы не планируем его создавать». См.: Большая пресс-конференция Владимира Путина // Президент России. 19.12.2019. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/62366> (дата обращения: 10.04.2020).

²⁸ Послание Президента Федеральному Собранию // Президент России. 20.02.2019. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/59863> (дата обращения: 11.04.2019).

²⁹ Пресс-конференция главы МИД РФ Сергея Лаврова. Главное // Международная жизнь. 16.01.2019. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/21422> (дата обращения: 11.04.2019).

³⁰ Дынкин А.А. «Исчезает атмосфера, в которой возможны договорённости» // Коммерсантъ. 25.02.2019. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3874100> (дата обращения: 11.04.2019).

зом может осуществляться плодотворное сотрудничество между ведущими державами и переход от взаимных подозрений к доверительному взаимодействию, при котором страны минимизируют разногласия и развивают сотрудничество в областях взаимных интересов [Fu 2016]. В настоящее время ни у России, ни у Китая нет ни воли, ни способности навязывать волю другой стране в рамках альянса или вести её за собой в качестве лидера [Фэн, Шан 2018]. Аналогичным образом, не создание тройственного антизападного альянса, а углубление партнёрства с Россией и Индией и его субстантивное наполнение считают в Китае наиболее рациональной и жизнеспособной стратегией [Cheng, Feng 2016: 447].

К появлению заинтересованности Пекина в союзе с Москвой могло бы привести стратегическое противостояние на Индо-Тихоокеанском пространстве с США и их партнёрами, маловероятный разрыв хозяйственных отношений с Соединёнными Штатами, а также потенциальные сложности на пути реализации собственной экономической и технологической стратегии в результате политики Запада. Китайские эксперты³¹ характеризуют американскую стратегию Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского пространства и восстановление четырёхстороннего диалога США, Японии, Австралии и Индии как политику, направленную на сдерживание КНР, воспрепятствование реализации инициативы «Пояса и пути», осложнение сотрудничества Китая с соседними странами.

Действия Соединённых Штатов повышают для Пекина риски безопасности в прилегающих морских пространствах и дестабилизируют ситуации в Южно-Китайском море. Несмотря на эти негативные устремления Вашингтона, китайские исследователи полагают, что из-за несогласован-

ности действий с союзниками и партнёрами, неготовности США и других государств к военной конфронтации с КНР Индо-Тихоокеанскую стратегию постигнет та же судьба, что и предшествующую политику администрации Барака Обамы по перебалакированию в Азию. Она не достигнет поставленных целей, особенно если Китай будет мудро выстраивать отношения с традиционно дружественными ему странами³².

Торговая война с США оценивается в китайском экспертном сообществе как часть многосоставного противоборства, в которой экономической инструментальной лишь часть американской стратегии [Шэн 2018]. Её цель – сдержать рост китайской экономики. Параллельно с ультиматумами в отношении торговой и промышленной политики КНР, санкциями и неконкурентными мерами против китайского бизнеса США усиливают давление по вопросам безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе путём координации с союзниками и партнёрами, интенсификации гонки вооружений, курса на обесценивание ядерного потенциала Пекина, демонстративных военных манёвров.

В политической сфере они также акцентируют болезненные для китайского руководства вопросы Тайваня, Тибета, Синьцзяна, Гонконга, прав человека. Также Вашингтон вводит ограничения на обучение китайских студентов, научно-технические и гуманитарные контакты, проводит пропагандистскую кампанию в СМИ. По оценке китайских экспертов, действия Соединённых Штатов представляют собой угрозу экономической безопасности России, а для Китая они порождают вызовы в экономической, энергетической и продовольственной сферах. США проводят курс на ослабление взаимозависимости с КНР (decoupling) практически во всех сферах, включая совместные цепочки до-

³¹ Chen D. What China Thinks of the Indo-Pacific Strategy // The Diplomat. April 28, 2018. URL: <https://thediplomat.com/2018/05/what-china-thinks-of-the-indo-pacific-strategy/> (дата обращения: 11.04.2019); Fang L. Indo-Pacific strategy will likely share the same fate as rebalance to Asia-Pacific // Global Times. 03.12.2017. URL: <http://www.globaltimes.cn/content/1078470.shtml> (дата обращения: 11.04.2019).

³² Там же.

бавленной стоимости и технологические трансферы [Российско-китайский диалог 2019: 17–22].

Тем не менее в Китае полагают, что ущерб, который может быть нанесён его экономике в случае введения пошлин на весь экспорт, будет ощутимым, но не критическим³³. При этом значительные издержки понесут и американские потребители. В этих условиях Пекин не готов идти на уступки по коренным интересам, безопасности или суверенитету. Китайские эксперты полагают, что это сближает Россию и Китай и экономически, и политически. Тем не менее в настоящее время речь идёт преимущественно о расширении инвестиций, совместных проектах, создании научных и инновационных партнёрств и активизации трансрегионального сотрудничества – то есть об углублении уже имеющихся отношений [Российско-китайский диалог 2019: 17–18, 22; Шэн 2018].

Отдельно стоит отметить и проблему доверия в отношениях Москвы и Пекина. Со стороны России она осложняется различиями в демографических и экономических потенциалах, разницей в интерпретации вопросов истории, заинтересованностью КНР в разработке природных ресурсов северного соседа. По мере активизации сотрудничества недоверие постепенно снижается, например, население Дальнего Востока видит в Китае скорее возможность развития, нежели угрозу [Ларин 2017: 52–65]. Негативная историческая память, в первую очередь в КНР, относительно урегулирования вопросов границы и отношений с СССР продолжает

оказывать влияние на восприятие странами друг друга. Однако руководство обоих государств предпринимает попытки смягчить имеющиеся трения, например, перенося акцент на сотрудничество против общего врага во время Второй мировой войны [Korolev, Portyakov 2019].

Несмотря на подписание большого числа соглашений об экономическом сотрудничестве с 2014 года, многие договорённости остаются нереализованными. Разрыв между ожиданиями российской стороны перспектив притока китайских инвестиций и реальностью оказался значительным [Ma, Zhang 2019: 30–31]. Кроме того, культурно-цивилизационные различия, недовольство непредсказуемостью внешней политики России со стороны Китая и прагматизмом КНР со стороны России, рост озабоченности по поводу реальных целей Пекина в отношении Москвы могут в будущем привести к возрастанию взаимного недоверия [Kargov 2018]. Китайская сторона нередко выражает неудовольствие по поводу существования в России представлений о «китайской угрозе» [Ma, Zhang 2019: 29] и критики в российских СМИ.

5

Рассмотрим ключевые переменные, которые Г. Снайдер выделял как определяющие для отношений сторон и влияющие на выбор в пользу заключения альянса: соотношение интересов, баланс потенциалов и взаимозависимость. Эти показатели влияют на то, насколько сильными оказываются позиции страны при проведении переговоров с контрагентом, каково соот-

³³ Согласно докладу Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), опубликованному в ноябре 2019 г., примерные потери ВВП КНР в 2021–2022 гг. составят 1,1%. МВФ в октябре 2019 г. приводит данные о прогнозируемом снижении реального ВВП КНР на 2% в 2020 г., 0,8% к 2023 г. и 1% в долгосрочной перспективе. Данные прогнозы основаны на введённых в 2018–2019 гг. тарифах и не учитывают как эффекты от возможной реализации первой фазы торговой сделки США и КНР, так и возможность введения Соединёнными Штатами высоких тарифов на всю китайскую продукцию. Помимо этого, влияние пандемии COVID-19 в 2020 г. не учтено в данных прогнозах. См.: OECD Economic Outlook / OECD. Volume 2019 Issue 2. No. 106. Paris: OECD Publishing. P. 16–17. DOI: <https://doi.org/10.1787/9b89401b-en>. URL: https://read.oecd-ilibrary.org/economics/oecd-economic-outlook-volume-2019-issue-2_9b89401b-en (дата обращения: 10.04.2020); G-20 Report on Strong, Sustainable, Balanced, and Inclusive Growth / International Monetary Fund. October 2019. P. 24. URL: <https://www.imf.org/external/np/g20/pdf/2019/101119b.pdf> (дата обращения: 10.04.2020).

ношение преимуществ и издержек от союзничества.

Наличие совпадающих, расходящихся, а иногда и антагонистических **интересов** – норма во взаимоотношениях великих держав. Анализ предпочтений России и Китая демонстрирует как совпадение интересов по широкому кругу вопросов, в том числе стратегических, так и их расхождение. Россия вовлечена в конфликтные ситуации в основном в Европе и на постсоветском пространстве, а Китай – в Восточной Азии. По вопросам, которые затрагивают ключевые интересы одной страны, но не соответствуют интересам другой, партнёры могут придерживаться нейтралитета. Такую позицию Китай занял в конфликтах вокруг Абхазии и Южной Осетии в 2008 году, Крыма и Украины в 2014-м. Его политика диктуется тем, что у Пекина нет желания рисковать отношениями с ведущей мировой державой ради вопросов, которые не относятся к сфере его коренных интересов. Наличие очагов сепаратизма в КНР (Тибет, Синьцзян) и тайваньского вопроса делает поддержку российских действий опасным прецедентом для неё самой [Korolev, Portyakov 2018: 431–437; Charap, Drennan, Noel 2017: 26–27].

Пекин с осторожностью относится ко многим шагам Москвы (таким, как военная операция в Сирии), считая их непредсказуемыми и рискованными [Wishnick 2016: 18]. В течение длительного времени более сдержанная позиция Китая, не идущего на столь же явную конфронтацию со странами Запада, позволяла ему нести меньшие политико-экономические и военно-стратегические издержки [Воскресенский 2015: 51]. КНР также активно расширяет экономическое взаимодействие с Украиной, другими постсоветскими государствами, странами Центральной и Восточной Европы, так как подобное сотрудничество служит реализации инициативы «Пояса и пути» [Российско-китайские отношения 2018: 111]. Другой сферой потенциальных разногласий может стать вопрос о режиме контроля над ядерными вооружениями, в котором КНР не считает целесообразным участвовать [Lukin 2018: 169].

Аналогичным образом Москва не заинтересована поддерживать Пекин в конфликтах в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях. Она также не готова рисковать своими партнёрствами в Азии, дистанцируясь от противоречий КНР с Вьетнамом, Индией, Японией. Россия не поддерживает действия по созданию искусственных островов и строительству на них военной инфраструктуры, традиционно выступая за решение конфликтов мирным путём на основе Конвенции ООН по морскому праву 1982 года. Москва призывает к скорейшему заключению юридически обязывающего Кодекса поведения сторон в Южно-Китайском море, но высказывается против вмешательства в сохраняющиеся споры третьих стран [Kashin, Lukin 2018: 621,624; Wishnick 2016: 7; Korolev, Portyakov 2018; Klein 2014: 18–19; Sutter 2018: 11]. За исключением последнего пункта, позиция России намного ближе к Вьетнаму, а не к КНР. Пекин неоднократно критиковал Москву за сотрудничество с Ханоем в разработке энергетических ресурсов на оспариваемом шельфе. Россия и Китай расходятся и в отношении порядка в Восточной Азии. Цель Пекина – стать здесь доминирующей державой, а задача России – упрочить позиции как одного из центров в региональной системе. Помимо критики действий США и совместной дорожной карты по Корейской проблеме, Китай редко выражает интерес координироваться с Россией по региональным проблемам [Klein 2014: 18–19].

Конкурентные тенденции существуют и в отношениях России и Китая в Евразии. Цель инициативы «Пояса и пути» заключается в создании интеграционного пространства на базе китайских подходов. Она предполагает использование китайского оборудования, комплектующих, услуг, рабочей силы, способствуя повышению роли КНР в цепочках добавленной стоимости, реализации его экономических и внешнеполитических интересов. Основной упор Пекин делает на двусторонние связи. Россия же, наоборот, заинтересована в многостороннем сотрудничестве, не подрываю-

шем развитие интеграции в ЕАЭС. Она добивается более равномерного распределения выигрышей, которое способствовало бы повышению конкурентоспособности государств-членов возглавляемого ей интеграционного объединения.

В результате вопрос о реальных контурах сопряжения ЕАЭС и ЭПШП, а также координации двух стран в рамках Большой Евразии до сих пор не прояснён. Например, Россия и её партнёры не готовы к заключению зоны свободной торговли, за которую выступает Китай, так как это подорвёт конкурентоспособность их экономик [Сыроежкин 2016: 37–55; Российско-китайские отношения 2018: 90–92; Экономический пояс евразийской интеграции 2016: 14–15; Ma, Zhang 2019: 31]. КНР отстаивает либерализацию хозяйственных связей и ликвидацию ограничений для реализации инициативы «Пояса и пути», что предопределяет её негативное отношение к протекционистской политике ЕАЭС [Lukin 2018: 169].

Вообще экономические интересы двух стран довольно часто расходятся. Россия хотела бы уйти от модели поставок энергоресурсов и импорта готовой продукции, а КНР, напротив, устраивает сложившаяся структура взаимодействия. В этой связи развитие проектов в несырьевых сферах идёт достаточно медленно [Korolev, Portyakov 2019]. Выдвижение председателем КНР Си Цзиньпином концепции «общества единой судьбы человечества» как идеологического обоснования его внешней политики ставит Москву перед сложным выбором: готова ли она поддержать главенствующую роль Китая в Азии и мире в целом [Российско-китайские отношения 2018: 115–117]?

Сравнительный анализ потенциалов двух стран демонстрирует смешанную картину, которая постепенно меняется не в пользу Москвы. Уровень развития оборонно-промышленного комплекса России

заметно превосходит китайский, и она сохраняет серьёзные преимущества перед стратегическим партнёром, в особенности в областях противовоздушной обороны, части радиолокационной техники, авиационном двигателестроении, подводном кораблестроении. Передовые образцы российских вооружений не имеют аналогов в КНР. Тем не менее форсированная модернизация военного потенциала Пекина позволила ему довести ряд видов военной техники до сопоставимого уровня (например, надводное кораблестроение, системы залпового огня, различные виды электронных компонентов) или даже превзойти Россию (например, беспилотные летательные аппараты). Модернизация Народно-освободительной армии Китая, проходящая с 2015 г. военная реформа и закупки российских систем вооружения позволяют КНР расширять возможности участия во всё большем спектре военных миссий [Кашин, Габуев 2017: 17–23].

При оценке экономических потенциалов, по данным 2018 г., ВВП Китая по обменному курсу превышал российский в 8 раз (КНР – 13,6 трлн долларов, Россия – 1,7 трлн долл. США), а по паритету покупательной способности – в 6 раз (25,4 трлн и 4 трлн долл. США). Замедлившиеся, но стабильные темпы роста Китая в 6–7% на фоне спада в России в 2014–2015 годах и её постепенного восстановления впоследствии увеличили разрыв абсолютных экономических показателей³⁴. Между тем от объёма экономики зависит и способность стран финансировать военный бюджет. Согласно данным Стокгольмского института исследования проблем мира, оборонные расходы России в 2018 г. составили 61 млрд, а Китая – 250 млрд долл. США. Между тем Москва тратит на вооружённые силы 3,9% ВВП, а Пекин – всего 1,9%³⁵. Уже длительное время военные расходы Китая значительно превышают россий-

³⁴ Indicators // World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator> (дата обращения: 11.04.2020).

³⁵ SIPRI Military Expenditure Database, 1949-2018 // Stockholm International Peace Research Institute. URL: <https://www.sipri.org/databases/milex> (дата обращения: 11.04.2020).

ские. Хотя китайский стратегический потенциал значительно отстаёт от российского и американского [Korolev 2015], при условии сохранения нынешнего положения способность КНР осуществлять передовые военные разработки – скорее вопрос времени. Ключевым фактором является то, насколько китайский военно-промышленный комплекс сможет добиться технологического прорыва по ключевым направлениям военной модернизации и в какие сроки.

В 2020-х Россия, вероятно, ещё будет обладать военно-стратегическими инструментами, позволяющими ей на равных выстраивать отношения с Китаем, несмотря на диспаритет экономик. Более того, под вопросом остаётся способность КНР справляться со структурными вызовами и перейти на новый технологический уровень [Российско-китайские отношения 2018: 105]. Тем не менее неравновесность экономических потенциалов ведёт к асимметрии комплексной мощи государств. Китайская сторона всё больше обращала на неё внимание после 2014 года, указывая на то, что Россия должна идти навстречу интересам КНР, в особенности в экономических вопросах.

Характер **взаимозависимости** России и Китая также меняется. Наблюдается тенденция снижения зависимости последнего от поставок российской техники и компонентов при возрастающей асимметрии экономических отношений. В настоящее время военно-техническое сотрудничество с Москвой позволяет Пекину решать проблемы непропорционального развития различных отраслей оборонно-промышленного комплекса и отставания по производству ряда критически важных компонентов. Крупные поставки касаются продажи готовой военной техники без передачи технологий или лицензий. Кроме того, заключаются и небольшие соглашения в сфере НИОКР.

По мере развития китайской промышленности доля России и её значимость как поставщика постепенно снижается, хотя последние контракты и важны для повы-

шения боеспособности Народно-освободительной армии Китая в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях, а также в районе Тайваня. КНР вышла на тот уровень, на котором она может осуществлять модернизацию военной техники и без значительного участия российской стороны, просто с большими временными затратами [Кашин, Габуев 2017: 17–23]. Тем не менее на среднесрочную перспективу Пекин, вероятно, сохранит интерес в военно-техническом сотрудничестве с Москвой по ряду направлений. Переход двух стран на более сложные формы промышленно-технологического взаимодействия, такие как совместные разработки искусственного интеллекта, лазерного оружия, робототехники, гиперзвуковых технологий, сдерживается недостатком доверия из-за низкого уровня защиты интеллектуальной собственности [Российско-китайский диалог 2017: 28–29].

Даже сохранение текущего уровня военно-технического сотрудничества не создаёт стимулов для становления российско-китайского альянса, так как оно вполне успешно осуществляется и в нынешних условиях. Активная модернизация китайских вооружённых сил предопределяет малую вероятность того, что Пекин проявит интерес в гарантиях безопасности со стороны Москвы даже на случай конфликта с Вашингтоном. О существенной зависимости Китая от России в сфере безопасности речь идти не может.

В экономической сфере, несмотря на заметное расширение сотрудничества и появление проектов в различных секторах в 2010-х годах, качественного изменения структуры взаимодействия не произошло. Товарооборот России и Китая характеризуется несбалансированностью. Две трети российского экспорта в КНР составляют природные ресурсы (преимущественно энергетические и лесные), которые обмениваются на промышленные товары и продукцию с высокой добавленной стоимостью. Пекин находится на первом месте в списке торговых партнёров Москвы с 2010 года. В 2019-м его доля в российском

товарообороте составила 16,6%, тогда как в 1999 г. она равнялась всего 4%³⁶. Между тем в 2019 г. на долю России приходилось только около 4% внешней торговли КНР (11-е место)³⁷.

Вероятность изменения структуры торговли в краткосрочной перспективе невелика, и вызов, который представляют собой несбалансированные экономические отношения российско-китайскому партнёрству, в будущем будет только усиливаться [Ma, Zhang 2019: 30]. Согласно данным Министерства коммерции КНР, на конец 2018 г. общий объём китайских прямых инвестиций в Россию составил 11 млрд долл. США, тогда как российских в Китай – всего 1,1 млрд. Большинство китайских инвестиций сосредоточено в сферах энергетических ресурсов, сельском и лесном хозяйстве, строительстве и производстве стройматериалов, торговле, лёгкой и текстильной промышленности, производстве бытовой техники, сфере услуг³⁸. По оценке Посла России в КНР А. Денисова, к концу 2018 г. общий объём всех видов накопленных китайских инвестиций составил около 30 млрд долл. США³⁹. За пределами энергетической сферы привлечение масштабных капиталовложений из КНР в российскую экономику связано с трудностями. Несмотря на появление китайских инвестиций в сферах, где они ранее практически отсутствовали (автомобилестроение, нефтехимия, производство бытовой техники), существенной диверсификации экономических отношений пока не произошло.

Технологическое сотрудничество протекает в основном в форме трансфера российских наработок для их внедрения на

китайской производственной базе и дальнейшего трансфера технологий. В ряде случаев компании из КНР непосредственно заказывают российские НИОКР. При этом Пекин слабо реагирует на заинтересованность российской стороны в создании совместных высокотехнологических компаний в сферах, в которых силён Китай, а Россия отстаёт. Вместе с тем по уровню технологического развития в большинстве областей КНР по-прежнему недотягивает до стран Запада, а качество её высокотехнологической продукции, с учётом роста её цены, зачастую не вполне устраивает российскую промышленность [Российско-китайские отношения 2018: 109–115; Карпов 2018]. При взаимодействии с внешними партнёрами Китай в первую очередь заинтересован в продаже произведённой национальными технологическими компаниями (такими, как Huawei и ZTE) готовой продукции, что должно закрепить его более высокое положение в цепочках добавленной стоимости [Dian, Menegazzi 2018: 74–75].

Усиление асимметричного характера экономических отношений, углубление дисбалансов между политическим и экономическим сотрудничеством – одни из ключевых тенденций развития российско-китайских отношений. Помимо этого, существуют риски экономической и даже технологической зависимости Москвы от Пекина в случае сохранения тренда на одностороннее расширение доли Китая в российской внешнеэкономической деятельности в долгосрочной перспективе и выбора в пользу приоритетного технологического взаимодействия с Китаем (например, в сфере связи пятого поколения)

³⁶ Таможенная статистика внешней торговли // Федеральная Таможенная Служба. URL: <http://stat.customs.ru/apex/f?p=201:7:1212342542464258::NO> (дата обращения: 11.04.2019).

³⁷ Российско-китайская торговля // Торговое представительство РФ в КНР. 2018. URL: http://www.russchinatrade.ru/ru/ru-cn-cooperation/trade_ru_cn (дата обращения: 11.04.2019).

³⁸ Российско-китайское инвестиционное сотрудничество // Торговое представительство РФ в КНР. 2020. URL: <http://www.russchinatrade.ru/ru/ru-cn-cooperation/investment> (дата обращения: 11.04.2020).

³⁹ Посол России в КНР: российско-китайское сотрудничество – стабилизирующий фактор в нынешнем турбулентном мире // Интерфакс. 09.01.2019. URL: <https://www.interfax.ru/interview/645268> (дата обращения: 10.04.2020).

[Российско-китайские отношения 2018: 109–112; Charap, Drennan, Noel 2017: 27–30; Karpov 2018; Sutter 2018: 9].

* * *

Теоретические наработки в изучении военно-политических альянсов дают убедительные основания для объяснения отсутствия формализованных обязательств по коллективной обороне между Россией и Китаем. Имеющиеся публикации связывают перспективы союзничества государств с соотношением выгод и издержек юридического закрепления взаимных гарантий, определяющихся балансом совпадающих и различающихся интересов; характером военных и комплексных потенциалов; степенью взаимозависимости. От этих переменных зависит не только перспективы возникновения альянса, но и то, насколько он будет симметричным, какие позиции в рамках сотрудничества стороны будут занимать и как они могут видоизмениться в будущем.

С 1990-х годов Россия и Китай установили тесные отношения, которые перешли на новый уровень во второй половине 2010-х на фоне обострения их противоречий с США. Две страны имеют общие интересы по широкому кругу глобальных вопросов при сохранении ряда различий на региональном уровне. Они достигли высокой степени политической координации и углубили торгово-инвестиционные связи. Диалог между российскими и китайскими военными, совместные учения вооружённых сил, а также развитие военно-технического сотрудничества, включая его расширение на стратегическую сферу, свидетельствуют о готовности сторон к взаимодействию в чувствительных для национальной безопасности областях.

В результате двустороннее стратегическое партнёрство представляет собой в высокой степени структурированное сближение. Его укрепление позволило ряду экспертов утверждать о приближении сотрудничества России и Китая к уровню, характерному для союзнических отношений. В ряде случаев такое развитие собы-

тий представляется как желательное или ожидаемое. При этом обе страны сохраняют существенную заинтересованность в сохранении возможностей для взаимодействия с третьими странами. В первую очередь им свойственна высокая зависимость от сотрудничества с западными партнёрами для обеспечения целей развития.

Проведённый анализ продемонстрировал, что становлению военно-политического альянса между Россией и Китаем в его устоявшемся понимании препятствует четыре группы причин. *Во-первых*, преимущества такого формата взаимодействия недостаточно привлекательны для сторон, которые довольствуются собственными потенциалами для обеспечения безопасности и противодействия существующим угрозам. *Во-вторых*, закрепление российско-китайского союза порождает значительные риски дальнейшего обострения конфронтации с Западом, разрыва экономического и технологического сотрудничества с наиболее развитыми странами мира. *В-третьих*, стратегическая культура Москвы и Пекина побуждает их избегать ограничений собственной автономии на международной арене, подразумеваемых союзничеством с другой крупной державой. *В-четвёртых*, оба государства опасаются вовлечения в конфликтные ситуации с участием партнёра, участия в которых они хотели бы избежать.

Для России риски вступления в альянс с Китаем являются ещё более серьёзными из-за усиливающейся асимметрии экономических потенциалов двух стран и возрастающей асимметричности экономических отношений с КНР. Последняя увеличивает опасность экономической и технологической зависимости в долгосрочной перспективе в случае отсутствия улучшений в отношениях Москвы с Западом. Наиболее вероятно, значимость России как поставщика техники и компонентов для китайского рынка будет постепенно ослабевать. Если российская экономика не сможет выйти на траекторию устойчивого роста и модернизации, будет вероятна трансформация альянса в сторону большей асимме-

трии (даже если изначально он будет скорее симметричным вследствие более высокого уровня российского военного потенциала). Риски альянса с Китаем заключаются в том, что Россия может оказаться вынуждена поддерживать КНР в её противостоянии с США в Восточной Азии и втягиваться в конфликт в Южно-Китайском море. Помимо этого, вероятно снижение уровня сотрудничества с Индией и Вьетнамом. При негативном сценарии это может подорвать самостоятельные позиции Москвы в Азии [Lee, Lukin 2016: 3–4] и поставить под вопрос перспективы её поворота на Восток.

Полномасштабная поддержка Россией инициативы «Пояса и пути» без успехов в формировании Большого евразийского партнёрства может привести к размыванию ЕАЭС и его подчинению китайским планам. В конечном счете это будет способствовать формированию открытого, но китаецентричного иерархического порядка в Азии и Евразии, в котором Москве будет уготована роль значимого, но подчинённого игрока.

Устойчивый характер выявленных препятствий позволяет предполагать, что их сохранение продолжит блокировать достижение договорных обязательств по коллективной обороне и в будущем. Для реализации нынешних целей России и Китая

существующие форматы взаимодействия остаются предпочтительными. Они оставляют возможность дальнейшего наращивания сотрудничества без заключения формальных договорённостей. Представляется вероятным, что Россия и Китай перейдут к закреплению союзнических отношений только в случае, если угроза со стороны США станет настолько большой, что у элит этих стран не останется выбора, кроме как значительно снизить уровень взаимодействия с Западом и заключить военно-политический альянс. Несмотря на наблюдаемое обострение противоречий Москвы и Пекина с Вашингтоном, такой сценарий по-прежнему представляется малореализуемым. Ключевыми факторами, которые могут привести к дальнейшему углублению стратегического партнёрства России и КНР и пересмотру формата отношений, вплоть до создания неформального альянса, являются: нарастание стратегической конкуренции между Китаем и США в хозяйственной, технологической и военно-политической областях, происходящее ослабление взаимозависимости между двумя крупнейшими экономиками мира (decoupling), стремление Соединённых Штатов ограничить сотрудничество КНР с Западом и азиатскими союзниками при сохранении глубокого обострения в российско-американских отношениях.

Список литературы

- Воскресенский А.Д. Российско-китайские отношения в контексте азиатского вектора российской дипломатии (1990–2015) // Сравнительная политика. 2015. № 1 (18). С. 32–53. DOI: 10.18611/2221-3279-2015-6-1(18)-32-53
- Зуенко И. Инвестбитвы на Дальнем Востоке. Что происходит с китайскими и другими инвестициями в регионе // Московский центр Карнеги. 10.03.2020. URL: <https://carnegie.ru/commentary/81181>
- Истомин И., Байков А. Динамика международных альянсов в неравновесной мировой системе // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 1. С. 34–48. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-1-34-48
- Истомин И.А. Современная западная теория военно-политических альянсов. Достижения и лакуны // Международные процессы. Октябрь–декабрь 2017. Т. 15. № 4 (51). С. 93–114.
- Караганов С. Как победить в холодной войне // Россия в глобальной политике. 14.09.2018. URL: <https://globalaffairs.ru/number/Kak-pobedit-v-kholodnoi-voine-19745> (дата обращения: 11.04.2019)
- Караганов С. От поворота на Восток к Большой Евразии // Россия в глобальной политике. 30.05.2017. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/ot-povorota-na-vostok-k-bolshoj-evrazii/> (дата обращения: 10.12.2019).
- Кашин В. Корейский обстрел. Что означает первое совместное патрулирование самолётов России и Китая // Московский центр Карнеги. 25.07.2019а. URL: <https://carnegie.ru/commentary/79564> (дата обращения: 30.10.2019).

- Кашин В. Необъявленный союз. Как Россия и Китай выходят на новый уровень военного партнёрства // Московский центр Карнеги. 18.10.2019б. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5413> (дата обращения: 20.10.2019).
- Кашин В., Габуев А. Вооружённая дружба: как Россия и Китай торгуют оружием // Московский центр Карнеги. 2017. 27 с. URL: <https://carnegie.ru/2017/11/02/ru-pub-74601>
- Киреева А.А. Основные приоритеты внешнеполитического курса России по отношению к Китаю // Трансформация международных отношений в Северо-Восточной Азии и национальные интересы России / Под ред. А.В. Торкунова, Д.В. Стрельцова М.: Аспект Пресс, 2019. С. 320–376.
- Ларин А.Г. Китайская диаспора в России // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2017. Т. 10 (5). С. 65–82. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-5-65-82
- Ларин А.Г. Новый этап российско-китайского партнёрства и проблема доверия // Современные российско-китайские отношения / Под ред. С.Г. Лузянина, А.Г. Ларина и др. М.: ДеЛи плюс, 2017. С. 52–65.
- Ларин В.Л., Ларина Л.Л. Китай в общественном мнении жителей Тихоокеанской России (по итогам опроса 2017 г.) // Россия и АТР. 2018. №2. С. 5–33.
- Лукин А.В. От нормализации к стратегическому партнёрству. Россия и Китай после распада СССР // Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений / Под ред. А.В. Лукина. М.: Весь Мир, 2013. С. 299–408.
- Портяков В.Я. Становление Китая как ответственной глобальной державы. М.: ИДВ РАН, 2013. 240 с.
- Российско-китайские отношения: между Европой и Индо-Пасификой. (Часть I) Материалы ситуационного анализа // Сравнительная политика. 2018. Т. 9. № 3. С. 101–127. DOI: 10.18611/2221-3279-2018-9-3-101-127
- Российско-китайские отношения: между Европой и Индо-Пасификой. (Часть II) Материалы ситуационного анализа // Сравнительная политика. 2018. Т. 9. №4. С. 83–107. DOI: 10.24411/2221-3279-2018-10006
- Российско-китайский диалог: модель 2015: доклад № 18/2015 / [Лузянин С.Г. (рук.) и др.; Чжао Х. (рук.) и др.]; [гл. ред. И.С. Иванов]; Российский совет по международным делам (РСМД). М.: Спецкнига, 2015. 32 с. URL: https://russiancouncil.ru/common/upload/RIAC_Russia_China_Report.pdf
- Российско-китайский диалог: модель 2016: доклад № 25/2016 / [С.Г. Лузянин (рук.) и др.; Х. Чжао (рук.) и др.]; [гл. ред. И.С. Иванов]; Российский совет по международным делам (РСМД). М.: НП РСМД, 2016. 93 с. URL: <https://russiancouncil.ru/upload/Russia-China-Report25.pdf>
- Российско-китайский диалог: модель 2017: доклад № 33/2017 / [С.Г. Лузянин (рук.) и др.; Х. Чжао (рук.) и др.]; [гл. ред. И.С. Иванов]; Российский совет по международным делам (РСМД). М.: НП РСМД, 2017. 167 с. URL: <https://russiancouncil.ru/papers/Russia-China-Report33.pdf>
- Российско-китайский диалог: модель 2019: доклад № 46/2019 / [С. Г. Лузянин (рук.) и др.; Х. Чжао (рук.) и др.]; [гл. ред. И.С. Иванов]; Российский совет по международным делам (РСМД). М.: НП РСМД, 2019. 200 с. URL: <https://russiancouncil.ru/papers/Russia-China-Report46-Ru.pdf>
- Силаев Н., Сушенцов А. Возвращение Старого Света и будущее международного порядка в Евразии: Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». 2018. 20 с. URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/24112/>
- Сыроежкин К. Сопряжение ЕАЭС и ЭПШП // Россия и новые государства Евразии. 2016. № 2. С. 37–55.
- Тавровский Ю. «Москва–Пекин» – новая стратегическая ось? // Россия в глобальной политике. 06.03.2014. URL: <https://globalaffairs.ru/global-processes/MoskvaPekin--novaya-strategicheskaya-os-16458> (дата обращения: 11.04.2019).
- Фэн Ю., Шан Ю. Мэй э гуаньси синь фацжань ю чжунго дэ чжэн цэ сюаньцэцэ [Новое развитие отношений США и России и выбор для политики Китая] // Гуоци ваньти яньцзю. 2018. №4. URL: http://www.ciis.org.cn/gyzz/2018-07/25/content_40434373.htm (дата обращения: 30.10.2019).
- Фэн Ш. Россия и Китай готовы к самым сложным вызовам // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 26.04.2018. URL: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/rossiya-i-kitay-gotovy-k-samymslozhnym-vyzovam/> (дата обращения: 30.10.2019).
- Шэн Ш. Торговая война – лишь часть американской стратегии сдерживания Китая // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 21.09.2018. URL: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/torgovaya-voyna-chast-strategii/> (дата обращения: 30.10.2019).
- Ши Ц. Элуосы дунбу кайфа: Чжун э хэцэ дэ шицзю [Развитие Востока России: перспектива российско-китайского сотрудничества] // Гуоци ваньти яньцзю. 2017. № 1. С. 23–32.
- Экономический пояс Евразийской интеграции: доклад о путях реализации проекта сопряжения интеграции Евразийского экономического союза и Экономического пояса «Шёлкового пути» / Под ред. П.А. Кадочникова, В.Ю. Саламатова, А.Н. Спартака. М.: ИТИ, 2016. 198 с.
- Charap S., Drennan J., Noel P. Russia and China: A New Model of Great-Power Relations // Survival. Vol. 59. No. 1. P. 25–42. DOI: 10.1080/00396338.2017.1282670

- Chen Z., Zhang X.* Chinese conception of the world order in a turbulent Trump era // *The Pacific Review*. 2020. DOI: 10.1080/09512748.2020.1728574
- Cheng D., Feng S.* The Russia-India-China Trio in the Changing International System // *China Quarterly of International Strategic Studies*. 2016. Vol. 2. No. 4. P. 431–447. DOI: 10.1142/S2377440016500275
- Dian M.* *The Evolution of the US-Japan Alliance. The Eagle and the Chrysanthemum*. Oxford: Chandos Publishing, 2014. 247 p.
- Dian M., Menegazzi S.* *New Regional Initiatives in China's Foreign Policy*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2018. 136 p.
- Fu Y.* How China Sees Russia. Beijing and Moscow Are Close, but Not Allies // *Foreign Affairs*. 2016. Vol. 95. No 1. P. 96–105. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2015-12-14/how-china-sees-russia> (дата обращения: 11.04.2019).
- Karpov M.V.* The Grandeur and Miseries of Russia's "Turn to the East". Russian-Chinese "Strategic Partnership" in the Wake of the Ukraine Crisis and Western Sanctions // *Russia in Global Affairs*. 2018. № 3. P. 130–152. DOI: 10.31278/1810-6374-2018-16-3-130-152. URL: <https://eng.globalaffairs.ru/number/The-Grandeur-and-Miseries-of-Russias-Turn-to-the-East-19806> (дата обращения: 30.10.2019).
- Kashin V.* Russia-China Cooperation: A Russian Perspective // *Sino-Russian Relations. Perspectives from Russia, China and Japan / NBR Special Report #79*. May 2019. P. 1–22. URL: https://www.nbr.org/wp-content/uploads/pdfs/publications/sr79_sino-russian_relations_may2019.pdf
- Kashin V., Lukin A.* Russian-Chinese Security Cooperation in Asia // *Asian Politics & Policy*. 2018. Vol. 10. No. 4. P. 614–632. DOI: 10.1111/aspp.12423
- Kashin V., Ma B., Tatsumi Y., Zhang J.* Present and Future Sino-Russian Cooperation: Chinese Perspectives. Sino-Russian Relations. Perspectives from Russia, China and Japan. NBR Special Report #79. May 2019. P. 23–36. URL: https://www.nbr.org/wp-content/uploads/pdfs/publications/sr79_sino-russian_relations_may2019.pdf
- Klein M.* Russia: A Euro-Pacific Power? Goals, Strategies and Perspectives of Moscow's East Asia Policy / SWP Research Paper. 2014. 37 p. URL: https://www.swp-berlin.org/fileadmin/contents/products/research_papers/2014_RP08_kle.pdf
- Korolev A.* On the Verge of an Alliance: Contemporary China-Russia Military Cooperation // *Asian Security*. 2018. Vol. 15. No. 3. P. 1–20. DOI: 10.1080/14799855.2018.1463991
- Korolev A.* The Strategic Alignment between Russia and China: Myths and Reality // *The ASAN Forum*. April 30, 2015. URL: <http://www.theasanforum.org/the-strategic-alignment-between-russia-and-china-myths-and-reality/>
- Korolev A., Portyakov V.* China-Russia Relations in Times of Crisis: A Neoclassical Realist Explanation // *Asian Perspective*. 2018. Vol. 42. No. 3. P. 411–437.
- Korolev A., Portyakov V.* Reluctant allies: system-unit dynamics and China-Russia relations // *International Relations*. 2019. Vol. 33. No. 1. P. 40–66. DOI: 10.1177/0047117818812561
- Lee R., Lukin A.* *Russia's Far East: New Dynamics in Asia Pacific & Beyond*. Boulder, CO: Lynne Rienner Publishers, Inc, 2016. 276 p.
- Liska G.* *Nations in Alliance: The Limits of Interdependence*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1962. 301 p.
- Lukin A.* *China and Russia. The New Rapprochement*. Cambridge: Polity Press, 2018. 219 p.
- Made in China 2025. The making of a high-tech superpower and consequences for industrial countries / Mercator Institute for China Studies. Edited by Wubekke J., Meissner M., Zenglein M., Ives J., Conrad B.* 2016. No. 2. 73 p. URL: https://www.merics.org/sites/default/files/2018-07/MP0C_No.2_MadeinChina2025_web.pdf (дата обращения: 11.04.2019).
- Schweller R.L.* *Unanswered Threats: Political Constraints on the Balance of Power*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2006. 200 p.
- Snyder G.H.* *Alliance Politics*. Ithaca and London: Cornell University Press, 1997. 432 p.
- Streltsov D., Kireeva A., Dyachkov I.* Russia's View on the International Security in Northeast Asia // *The Korean Journal of Defense Analysis*. March 2018. Vol. 30. No. 1. P. 115–134.
- Struver G.* China's Partnership Diplomacy: International Alignment Based on Interests or Ideology // *The Chinese Journal of International Politics*. 2017. Vol. 10. No. 1. P. 31–65. DOI: 10.1093/cjip/pow015
- Sutter R.* China-Russia Relations. Strategic Implications and U.S. Policy Options / NBR Special Report #73. 2018. 19 p. URL: https://www.nbr.org/wp-content/uploads/pdfs/publications/special_report_73_china-russia_cooperation_sep2018.pdf
- Voskressenski A.D.* The Three Structural Changes of Russo-Chinese Cooperation after the Collapse of the USSR and Prospects for the Emergence of a Fourth Stage // *Eurasian Review*. 2012. Vol. 5. P. 1–13.
- Walt S.* *The Origins of Alliances*. Ithaca and London: Cornell University Press, 1987. 336 p.
- Waltz K.* *Theory of International Politics*. Reading: Addison-Wesley Pub. Co., 1979. 251 p.
- Weitz R.* Sino-Russian Defense Cooperation: Implications for Korea and the United States // *The Korean Journal of Defense Analysis*. 2018. Vol. 30. No. 1. P. 41–59.

- Weitz R.* The New China-Russia Alignment. Critical Challenges to US Security. Santa Barbara: Praeger, 2020. 298 p.
- Wilkins T.S.* 'Alignment', not 'alliance' – the shifting paradigm of international security cooperation: toward a conceptual taxonomy of alignment // *Review of International Studies*. 2012. Vol. 38. No. 1. P. 53–76.
- Wishnick E.* In search of the 'Other' in Asia: Russia–China relations revisited // *The Pacific Review*. 2016. P. 1–19. Vol. 30. No.1. DOI: 10.1080/09512748.2016.1201129
- Wishnick E.* The Sino-Russian Partnership and the East Asian Order // *Asian Perspective*. 2018. Vol. 42. No. 3. P. 355–386.

THEORIES OF INTERNATIONAL RELATIONS AND PROSPECTS OF A MILITARY ALLIANCE BETWEEN RUSSIA AND CHINA

ANNA KIREEVA

MGIMO University, Moscow 119454, Russia

Abstract

The article seeks to explain why there is no formal military-political alliance between the two. The conclusion of one would be logical taking into consideration expanded cooperation including military dimension which puts both countries on the verge of an alliance as well as exacerbating tensions and strategic rivalry with the U.S. By employing International Relations theory, the author highlights the balance between benefits and costs which is not conducive to the creation of a formal bloc, a number of unit-level factors inhibiting it, coexisting convergent and divergent interests, asymmetry of both capabilities and dependency in bilateral relations. As a result of analyzing the key characteristics of strategic partnership, the article demonstrates that Russia-China relations conform to the notion of alignment structured around the system-level goal of promoting multipolar or polycentric world order and a set of common principles. A new stage in Russia-China relations since 2014 is characterized by closer political, security and economic cooperation. Against the background of strategic competition with the U.S., Russia and China have intensified military cooperation encompassing strategic sphere as well. Whereas global interests of the two states are much alike, the regional ones frequently overlap or diverge. As a result, both states take no interest in entrapment in each other's conflicts as despite the downgrade of relations with the West it remains an important partner for both Russia and China. It is instructive that Moscow and Beijing balance Washington mostly individually, and they are deemed quite capable by their leadership to conduct military action under most likely scenarios falling short of full-scale war. Adding to potential alliance costs is the reduction of foreign policy autonomy. Growing asymmetry of complex power and economic relations coupled with PLA's modernization and gradual reduction of China's dependency on Russia in military technologies and components predetermine the increasing likelihood that Russia-China alliance would become more asymmetric in future, notwithstanding the fact that it would be fairly symmetric at first. It would it turn exacerbate the risks of Russia transforming into a subordinate player in the long-term perspective. Strategic partnership at present makes it possible for Russia and China to pursue their goals while not bearing the costs of an alliance. However, deepening strategic confrontation between the U.S. and China together with the persistent conflict in Russia-US relations may draw Russia and China closer together.

Keywords:

Russia; China; Russia-China relations; China-Russia relations; Sino-Russian relations; military alliances; alignment; strategic partnership; theory of international relations; the United States; West; Eurasia; East Asia; Eurasian Economic Union; Belt and Road Initiative.

References

- (2018). Rossijsko-kitajskie otnosheniya: mezhdru Evropoj i Indo-Pasifikoj. (CHast' I) Materialy situacionnogo analiza [Russian-Chinese Relations: Between Europe and the Indo-Pacific. (Part I). Situation Analysis Proceedings]. *Comparative Politics*. Vol. 9. No. 3. P. 101–127. DOI: 10.18611/2221-3279-2018-9-3-101-127
- (2018). Rossijsko-kitajskie otnosheniya: mezhdru Evropoj i Indo-Pasifikoj. (CHast' II) Materialy situacionnogo analiza [Russian-Chinese Relations: Between Europe and the Indo-Pacific. (Part II). Situation Analysis Proceedings]. *Comparative Politics*. Vol. 9. No. 4: P. 83–107. DOI: 10.24411/2221-3279-2018-10006
- Charap S., Drennan J., Noel P. (2017). Russia and China: A New Model of Great-Power Relations. *Survival*. Vol. 59. No. 1. P. 25–42. DOI: 10.1080/00396338.2017.1282670
- Chen Z., Zhang X. (2020). Chinese conception of the world order in a turbulent Trump era. *The Pacific Review*. DOI: 10.1080/09512748.2020.1728574
- Cheng D., Feng S. (2016). The Russia-India-China Trio in the Changing International System. *China Quarterly of International Strategic Studies*. Vol. 2. No. 4. P. 431–447. DOI:10.1142/S2377740016500275
- Dian M. (2014). *The Evolution of the US-Japan Alliance*. The Eagle and the Chrysanthemum. Oxford: Chandos Publishing. 247 p.
- Dian M., Menegazzi S. (2018). *New Regional Initiatives in China's Foreign Policy*. Basingstoke: Palgrave Macmillan. 136 p.
- Feng S. (2018). Russia and China Are Ready to Face Most Difficult Challenges. *Valdai Discussion Club*. April 26, 2018. Available at: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/rossiya-i-kitay-gotovy-k-samym-slozhnym-vyzovam/> (accessed: 30.10.2019).
- Feng Y., Shang Y. (2018). Mei e guanxi xin fazhan yu zhongguo de zhengce xuanze [New developments in US-Russia relations and China's policy options]. *Guoji wenti yan jiu*. No 4. Available at: http://www.ciis.org.cn/gyzz/2018-07/25/content_40434373.htm (accessed: 30.10.2019).
- Fu Y. (2016). How China Sees Russia. Beijing and Moscow Are Close, but Not Allies. *Foreign Policy*. Vol. 95. No 1. P. 96–105. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2015-12-14/how-china-sees-russia> (accessed: 11.04.2019).
- Istomin I., Baykov A. (2019). Dinamika mezhdunarodnyh al'yansov v neravnovesnoj mirovoj sisteme [Dynamics of International Alliances in an Unbalanced World Structure]. *World Economy and International Relations*. Vol. 63. No. 1. P. 34–48. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-1-34-48
- Istomin I. (2017). Sovremennaya zapadnaya teoriya voenno-politicheskikh al'yansov. Dostizheniya i lakuny [Western Theory of International Military Alliances. The State of the Discipline]. *International Trends*. Vol. 15. No. 4 (51). P. 93–114.
- Ivanov I., Luzyanin S., Huasheng Z. et al. (2015). *Rossijsko-kitajskij dialog: model' 2015: doklad № 18/2015* [Russian-Chinese Dialogue: The 2015 Model: 18/2015]. Russian International Affairs Council (RIAC). Moscow: NPMP RIAC. 32 p. Available at: https://russiancouncil.ru/common/upload/RIAC_Russia_China_Report.pdf
- Ivanov I., Luzyanin S., Huasheng Z. et al. (2016). *Rossijsko-kitajskij dialog: model' 2016: doklad № 25/2016* [Russian-Chinese Dialogue: The 2016 Model: 25/2016]. Russian International Affairs Council (RIAC). Moscow: NPMP RIAC. 93 p. Available at: <https://russiancouncil.ru/upload/Russia-China-Report25.pdf>
- Ivanov I., Luzyanin S., Huasheng Z. et al. (2017). *Rossijsko-kitajskij dialog: model' 2017: doklad № 33/2017* [Russian-Chinese Dialogue: The 2017 Model: 33/2017]. Russian International Affairs Council (RIAC). Moscow: NPMP RIAC. 167 p. Available at: <https://russiancouncil.ru/papers/Russia-China-Report33.pdf>
- Ivanov I., Luzyanin S., Huasheng Z. et al. (2019). *Rossijsko-kitajskij dialog: model' 2019: doklad № 49/2019* [Russian-Chinese Dialogue: The 2019 Model: 46/2019]. Russian International Affairs Council (RIAC). Moscow: NPMP RIAC, 2019. 200 p. Available at: <https://russiancouncil.ru/papers/Russia-China-Report46-Ru.pdf>
- Kadochnikov P.A., Salamatov V.Y., Spartak A.N. (eds.) (2016). *Ekonomicheskij poyas Evrazijskoj integracii: doklad o putyah realizacii proekta sopryazheniya integracii Evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza i Ekonomicheskogo poyasa «Shyolkovogo puti»* [The Economic Belt of Eurasian Integration: Report on Linking the Eurasian Economic Union and Silk Road Economic Belt]. Moscow: ITI. 198 p.
- Karaganov S. (2017). Ot povorota na Vostok k Bol'shoi Evrazii [From Pivot to the East to Greater Eurasia]. *Russia in Global Affairs*. May 30, 2017. Available at: <https://globalaffairs.ru/articles/ot-povorota-na-vostok-k-bolshoj-evrazii/> (accessed: 10.12.2019).
- Karaganov S. (2018). How to Win a Cold War. *Russia in Global Affairs*. September 4, 2018. Available at: <https://globalaffairs.ru/number/Kak-pobedit-v-kholodnoi-voine-19745> (accessed: 10.12.2019).

- Karpov M. (2018). The Grandeur and Miseries of Russia's "Turn to the East". Russian-Chinese "Strategic Partnership" in the Wake of the Ukraine Crisis and Western Sanctions. *Russia in Global Affairs*. № 3. P. 130-152. DOI: 10.31278/1810-6374-2018-16-3-130-152 Available at: <https://eng.globalaffairs.ru/number/The-Grandeur-and-Miseries-of-Russias-Turn-to-the-East-19806> (accessed 30.10.2019).
- Kashin V. (2019a). Koreiskii obstrel. Chto oznachaet pervoe sovместnoe patrulirovanie samoletov Rossii i Kitaia [Korean shooting. What the first joint Russian-Chinese air patrols mean]. *Moscow Carnegie Center*. July 25, 2019. Available at: <https://carnegie.ru/commentary/79564> (accessed: 30.10.2019).
- Kashin V. (2019b). Neob"iavlennyi soiuz. Kak Rossiia i Kitai vykhodiat na novyi uroven' voennogo partnerstva [Unannounced alliance. How Russia and China are entering a new level of military cooperation]. *Moscow Carnegie Center*. October 18, 2019. Available at: <http://www.kremlin.ru/supplement/5413> (accessed: 20.10.2019).
- Kashin V. (2019c). Russia-China Cooperation: A Russian Perspective In: *Sino-Russian Relations. Perspectives from Russia, China and Japan*. NBR Special Report #79. P. 1-22. Available at: https://www.nbr.org/wp-content/uploads/pdfs/publications/sr79_sino-russian_relations_may2019.pdf
- Kashin V., Gabuev A. (2017). *Vooruzhennaya družba: kak Rossiya i Kitaj torguyut oruzhiem* [Armed Friendship: How Russia and China Trade in Weapons]. Moscow Carnegie Center. 27 p. Available at: <https://carnegie.ru/2017/11/02/ru-pub-74601>
- Kashin V., Lukin A. (2018). Russian-Chinese Security Cooperation in Asia. *Asian Politics & Policy*. Vol. 10. No. 4. P. 614-632. DOI: 10.1111/aspp.12423
- Kashin V., Ma B., Tatsumi Y., Zhang J. (2019). *Present and Future Sino-Russian Cooperation: Chinese Perspectives. Sino-Russian Relations. Perspectives from Russia, China and Japan*. NBR Special Report No. 79. P. 23-36. Available at: https://www.nbr.org/wp-content/uploads/pdfs/publications/sr79_sino-russian_relations_may2019.pdf
- Kireeva A.A. (2019). Osnovnye priorityety vneshnepoliticheskogo kursa Rossii po otnosheniiu k Kitaiu [Key Priorities of Russia's Foreign Policy towards China] In Torkunov A., Streltsov D. (eds). *Transformaciya mehdunarodnyh otnoshenij v Severo-Vostochnoj Azii i nacionalnye interesy Rossii* [The Transformation of International Relations in Northeast Asia and Russia's National Interests]. Moscow: Aspect Press. P. 320-376.
- Klein M. (2014). *Russia: A Euro-Pacific Power? Goals, Strategies and Perspectives of Moscow's East Asia Policy*. SWP Research Paper. 37 p. Available at: https://www.swp-berlin.org/fileadmin/contents/products/research_papers/2014_RP08_kle.pdf
- Korolev A. (2015). The Strategic Alignment between Russia and China: Myths and Reality. *The ASAN Forum*. April 30, 2015. Available at: <http://www.theasanforum.org/the-strategic-alignment-between-russia-and-china-myths-and-reality/>
- Korolev A. (2018). On the Verge of an Alliance: Contemporary China-Russia Military Cooperation. *Asian Security*. Vol. 15. No. 3. P. 1-20. DOI: 10.1080/14799855.2018.1463991
- Korolev A., Portyakov V. (2018). China-Russia Relations in Times of Crisis: A Neoclassical Realist Explanation. *Asian Perspective*. Vol. 42. No. 3. P. 411-437.
- Korolev A., Portyakov V. (2019). Reluctant allies: system-unit dynamics and China-Russia relations. *International Relations*. Vol. 33. P. 40-66. DOI:10.1177/0047117818812561
- Larin A.G. (2017). Chinese Diaspora in Russia. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*. 10 (5). P. 65-82. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-5-65-82
- Larin A.G. (2017). Novyj etap rossijsko-kitajskogo partnerstva i problema doveriya [New Stage in Russia-China Partnership and the Problem of Trust]. In: Luzianin S.G., Larin A.G. and others (eds) *Sovremennye rossijsko-kitajskie otnosheniya* [Contemporary Russia-China Relationship]. Moscow: DeLi plus. P. 52-65.
- Larin V.L., Larina L.L. (2018). Kitai v obshchestvennom mnenii zhitelei Tikhookeanskoj Rossii (po itogam oprosa 2017 g.) [China's image in the population of Pacific Russia (based on the 2017 poll)]. *Rossiia i ATR*. 2018. No. 2. P. 5-33.
- Lee R., Lukin A. (2016). *Russia's Far East: New Dynamics in Asia Pacific & Beyond*. Boulder, CO: Lynne Rienner Publishers, Inc. 276 p.
- Liska G. (1962). *Nations in Alliance: The Limits of Interdependence*. Baltimore: Johns Hopkins University Press. 301 p.
- Lukin A. (2018). *China and Russia. The New Rapprochement*. Cambridge: Polity Press. 219 p.
- Lukin A.V. (2013). Vol. 15. No. 3. Ot normalizacii k strategicheskomu partnerstvu. Rossiya i Kitaj posle raspada SSSR [From Normalization to Strategic Partnership. Russia and China after the Demise of the USSR]. In: Lukin A.V. (ed) *Rossiia i Kitaya: chetyre veka vzaimodejstviya. Istoriya, sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya rossijsko-kitajskih otnoshenij* [Russia and China: Four Centuries of Interaction. History, Contemporary Development and Prospects of Russia-China Relations]. Moscow: "Ves Mir". P. 299-408.
- Portyakov V.Y. (2013). *Stanovlenie Kitaia kak otvetstvennoi global'noi derzhavy* [China's emergence as a responsible global power]. Moscow: IDV RAN, 2013. 240 p.

- Schweller R.L. (2006). *Unanswered Threats: Political Constraints on the Balance of Power*. Princeton, NJ: Princeton University Press. 200 p.
- Sheng S. (2018). Trade War Is Only Part of the US Deterrence Strategy. *Valdai Discussion Club*. September 21, 2018. Available at: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/torgovaya-voyna-chast-strategii/> (accessed: 30.10.2019).
- Shi Z. (2017). Elousi dongbu kaifa: Zong e hezuo de shijiao [The development of Russia's East: Russia-China cooperation perspective]. *Guoji wenti yanjiu*. No. 1. P. 23–32.
- Silaev N., Sushentsov A. (2018). *Vozvrashchenie Starogo Sveta i budushchee mezhdunarodnogo poryadka v Evrazii* [The Old World Revisited: Future of the International Order in Eurasia]. Valdai Discussion Club Report. 2018. 20 p. Available at: <https://ru.valdaiclub.com/files/24112/>
- Snyder G. (1997). *Alliance Politics*. Ithaca and London: Cornell University Press. 432 p.
- Streltsov D., Kireeva A., Dyachkov I. (2018). Russia's View on the International Security in Northeast Asia. *The Korean Journal of Defense Analysis*. Vol. 30. No. 1. P. 115–134.
- Struver G. (2017). China's Partnership Diplomacy: International Alignment Based on Interests or Ideology. *The Chinese Journal of International Politics*. Vol. 10. No. 1. P. 31–65. DOI: 10.1093/cjip/pow015
- Syroezkhin K. (2016). Sopryazhenie EAES i EPSHP [Linking the EEU and SREB]. *Russia and New States of Eurasia*. No. 2. P. 37–55.
- Sutter R. (2018). *China-Russia Relations. Strategic Implications and U.S. Policy Options*. NBR Special Report #73. 19 p. Available at: https://www.nbr.org/wp-content/uploads/pdfs/publications/special_report_73_china-russia_cooperation_sep2018.pdf
- Tavrovskii Y. (2014). «Moskva–Pekin» – novaia strategicheskaya os'? ["Moscow–Beijing" – a New strategic axis?] *Russia in Global Affairs*. March 3, 2014. Available at: <https://globalaffairs.ru/global-processes/MoskvaPekin--novaya-strategicheskaya-os-16458> (accessed: 11.04.2019).
- Voskressenski A. (2015). Rossijsko-kitajskie otnosheniya v kontekste aziatskogo vektora rossijskoj diplomatii (1990–2015) [Relations between Russia and China as a part of the Asian vector of Russian Diplomacy (1990–2015)]. *Comparative Politics*. Vol. 18. No. 1. P. 32–53. DOI: 10.18611/2221-3279-2015-6-1(18)-32-53
- Voskressenski A. (2012). The Three Structural Changes of Russo–Chinese Cooperation after the Collapse of the USSR and Prospects for the Emergence of a Fourth Stage. *Eurasian Review*. 2012. Vol. 5. P. 1–13.
- Walt S. (1987). *The Origins of Alliances*. Ithaca and London, Cornell University Press. 336 p.
- Waltz K. (1979). *Theory of International Politics*. Reading: Addison-Wesley Pub. Co. 251 p.
- Weitz R. (2018). Sino-Russian Defense Cooperation: Implications for Korea and the United States. *The Korean Journal of Defense Analysis*. Vol. 30. No. 1. P. 41–59.
- Weitz R. (2020). *The New China-Russia Alignment. Critical Challenges to US Security*. Santa Barbara: Praeger. 298 p.
- Wilkins T.S. (2012). 'Alignment', not 'alliance' – the shifting paradigm of international security cooperation: toward a conceptual taxonomy of alignment. *Review of International Studies*. Vol. 38. No. 1. P. 53–76.
- Wishnick E. (2016). In search of the 'Other' in Asia: Russia–China relations revisited. *The Pacific Review*. Vol. 30. No. 1. P. 1–19. DOI: 10.1080/09512748.2016.1201129
- Wishnick E. (2018). The Sino-Russian Partnership and the East Asian Order. *Asian Perspective*. Vol. 42. No. 3. P. 355–386.
- Wubekke J., Meissner M., Zenglein M., Ives J., Conrad B. (eds) (2016). *Made in China 2025. The making of a high-tech superpower and consequences for industrial countries*. Mercator Institute for China Studies. No. 2. 73 p. Available at: https://www.merics.org/sites/default/files/2018-07/MPOC_No.2_MadeinChina2025_web.pdf (accessed: 11.04.2019).
- Zuenko I. (2020). Russia's Far East Seeks Partners Beyond China. *Moscow Carnegie Center*. March 13, 2020. Available at: <https://carnegie.ru/commentary/81278>